A 20
9/315

A 20 9
345

ОТВѢТЪ

НА НОВЫЙ ВОПРОСЪ

О НЕСТОРѢ,

ЛѢТОПИСЦѢ РУССКОМЪ

СОЧИНЕНІЕ

П. Б.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1850

ПУЛКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, октября 24-го дня 1850 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. музея
№ 20442
1932
25/IX

ОТВѢТЪ

НА НОВЫЙ ВОПРОСЪ О НЕСТОРѢ,

лѣтописцѣ русскомъ.

Во «Временникѣ», издаваемомъ при Московскомъ университетѣ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ (1849 г. № 1), напечатана статья подъ заглавіемъ: «Еще вопросъ о Несторѣ». Сочинитель сего вопроса, г. Казанскій, предпринялъ открыть, на замѣну Нестора, другаго не менѣе умнаго, даровитаго и однако неизвѣстнаго по имени кіево-печерскаго монаха, полагая, что не столько внутреннее убѣжденіе, сколько выгода приписать составленіе лѣтописи извѣстному лицу, заставляетъ настаивать, что Несторъ, написавшій повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, былъ также и лѣтописецъ.

Не признавая доказательствъ г. Казанскаго убѣдительными и замѣтивъ притомъ, что онъ, въ сомнѣніяхъ своихъ о Несторѣ лѣтописцѣ, придерживался предпочтительно сочиненій г. Кубарева о Патерикѣ Печерскомъ и о Несторѣ (1), мы сперва разсмотримъ произведенія г. Кубарева, а потомъ дадимъ отвѣтъ г. Казанскому.

I.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЙ Г. КУБАРЕВА О ПАТЕРИКѢ ПЕЧЕРСКОМЪ И О НЕСТОРѢ.

§ 1. *О преподобномъ Антоніи, первомъ подвижникѣ Печерскомъ.*

Въ старинныхъ рукописныхъ спискахъ патерика Кіево-печерскаго (2) и въ печатномъ сказано, что Антоній, родившійся въ г. Любечѣ въ 983 году (3), въ молодыхъ лѣтахъ своихъ отправился на Аѳонъ, обошелъ тамошнія обители, возлюбилъ черническій образъ, посвященъ въ одной изъ нихъ (4) въ иноки и чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ Кіевъ, 1013 года. Не пожелавъ жить ни въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей (5), онъ пришелъ въ село Берестово, нашелъ тамъ варяжскую пещеру и въ ней вселился (6). Когда же Святополкъ прелавалъ пагубѣ братьевъ своихъ Бориса, Глѣба и Святослава, въ 1015 году, Антоній удалился тогда на Аѳонскую гору, и прибылъ опять въ Кіевъ по первомъ возшествіи на великокняжескій престолъ Ярослава, въ 1017 году. Такъ повѣствуютъ рукописные патерики и печатный; а далѣе въ нихъ же и въ лѣтописи, въ словѣ о началѣ Печерскаго монастыря, сказано, что во время послѣдняго возвращенія антоніева въ Кіевъ, въ Берестовскомъ селѣ, при церкви Святыхъ Апостоловъ (7), служилъ презвитеръ Иларіонъ— «мужъ благъ, книженъ и постникъ», который, приходя съ Берестова къ Днѣпру на холмъ, покрытый дремучимъ лѣсомъ, ископалъ тамъ «пещеру малу дву саженъ» и въ ней уединенно совершалъ богомоленіе. Антоній пришелъ на тотъ же холмъ, «идѣ же бѣ Иларіонъ печерку ископа малу, и возлюби *мѣсто то* и вселися *въ немъ*». Просимъ читателя замѣтить эту фразу, по важности ея въ нашемъ разборѣ. Въ спискахъ лѣтописи Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ, Радзивиловскомъ, Троицкомъ, въ пріобщенныхъ къ печатному Лаврентьевскому выпискахъ изъ двухъ древнихъ рукописныхъ патериковъ, писанныхъ въ исходѣ XIV или въ XV вѣкѣ; въ патерикахъ же Румянцовомъ и Толстовомъ, писанныхъ въ XVI столѣтіи, и въ лѣтописныхъ спискахъ, бывшихъ у В. Н. Татищева, сказано: а) въ лѣтописяхъ: «въ злюби *мѣсто се* и вселися *въ не*», и б) въ патерикахъ, въ однихъ: «възлюби *мѣстьце то* и вселися *въ не*», въ другихъ: «възлюби *мѣстьце то* и вселися *въ немъ;* въ печатномъ: возлюби *мѣсто тое* и вселись *тамъ*.» Ясно, что Антоній вселился *не въ нію*, не въ Иларіонову пещеру, а расположился

жить на томъ же холму, на которомъ она находилась, и это подтверждается далѣе словами лѣтописи и патерика, что Антоній «поча жити ту *копая пещеру*, и не да себѣ упокою день и ношь, въ трудѣхъ пребывая, въ бдѣніи и молитвахъ» (8).

Но г. Кубаревъ, по указанію Никоновской лѣтописи, Степенной книги, описанія Кіево-печерской лавры, также послѣдуя Шлёцеру, Карамзину и нѣкоторымъ другимъ, читавшимъ не *въ немъ*, а *въ ней*, утвердился въ той мысли, что Антоній вселился въ готовую Иларіонову пещеру, и не въ 1017 году, а уже тогда, когда этотъ инокъ презвитеръ, въ 1051 году, возведенъ былъ въ санъ кіевскаго митрополита, «а печерка его тако оста» (9). Къ принятію этого мнѣнія, которое г. Кубаревъ провелъ по всему изслѣдованію своему о Патерикѣ и о Несторѣ, побудили г. Кубарева еще и слова лѣтописи, слѣдующія непосредственно за глаголомъ *оста:* «и не по мнозѣхъ днехъ бѣ нѣкій человѣкъ именемъ мірскимъ (?) отъ града Любеча», хотя они, отдѣленныя въ печати препинательною точкою отъ глагола *оста*, не имѣютъ сами въ себѣ никакого смысла; ибо слова «и не по мнозѣхъ днехъ» относятся очевидно не до любчанина, а до Иларіоновой пещеры, т. е., что она послѣ 1051 года оставалась праздною недолго: либо до времени, какъ Антоніева пещера была распространяема во всѣ стороны, по мѣрѣ присоединявшихся къ нему братій, либо до предоставленія всей той надпещерной горы великимъ княземъ Изяславомъ подъ строеніе монастыря (10). Иначе сказано бы было въ какомъ либо спискѣ: «и не по мнозѣхъ днехъ вселися *въ ню* (Иларіонову пещеру) Антоній; сей же человѣкъ, мірскимъ именемъ Антипа, бѣ отъ града Любеча» и проч. (11).

Какъ ни маловажно, повидимому, измѣненіе мѣстоименія *въ не, въ немъ* на *въ ней, въ ню*, однако оно побудило г. Кубарева сказать, что все, написанное въ Патерикѣ, о двукратномъ отхожденіи Антонія изъ Руси на Аѳонъ, о пришествіи къ Антонію въ пещеру Ѳеодосія въ 23 лѣтнемъ возрастѣ, въ 1032 году (12), и о сорокалѣтнемъ пребываніи Антонія безвыходно въ пещерѣ есть чтеніе *ложное*, приставка совершенно несправедливая, изобрѣтенная въ желаніи отдалить время основанія Печерскаго монастыря къ началу христіянства въ Россіи. При чтеніи *въ ней*, а не *въ немъ*, принявъ за несомнѣнную истину, что Антоній вселился прямо въ готовую Иларіонову пещеру, и не ранѣе 1051 года, г. Кубаревъ отнесъ къ этому же времени и прибытіе къ Антонію Ѳеодосія, потому что въ Харатейномъ патерикѣ, писанномъ 1406 года для тверского епископа Арсенія (*), означен-

(*) Объ этомъ патерикѣ сказано далѣе, въ § 5.

ный выше 1032 годъ, не показанъ; а сообщившій Нестору извѣстіе объ юности Ѳеодосіевой, современникъ Ѳеодосіевъ, келарь Ѳеодоръ, не могъ знать того года (13), какъ будто и самъ Ѳеодосій, между братіею своею, былъ безмолвенъ. Житію же на свѣтѣ Ѳеодосія, прекратившемуся въ 1074 году, г. Кубаревъ назначилъ только 43 года, когда по патерику Ѳеодосій, родясь въ 1009 году, скончался въ 65-лѣтнемъ возрастѣ.

Относительно сорокалѣтняго пребыванія Антонія въ пещерѣ Карамзину также казалось, что Антонія постигла смерть не въ 1073, не за годъ прежде Ѳеодосія, какъ свидѣтельствуетъ Симонъ епископъ, а гораздо послѣ (14). Слѣдуя этому мнѣнію, г. Кубаревъ утверждаетъ, что 40 лѣтъ, протекшія съ 1051 года, упадаютъ на 1091 годъ; а какъ тутъ встрѣчается большой разладъ съ лѣтописью, по которой Антоній не является въ живыхъ ни при кончинѣ Ѳеодосія, ни при игуменствѣ Стефана и Никона, то г. Кубаревъ рѣшился развязать этотъ узелъ съ помощію разныхъ догадокъ. Назвавъ *ложнымъ* сказаніе о сорокалѣтнемъ пребываніи антоніевомъ въ пещерѣ, г. Кубаревъ говоритъ, что если въ подлинникѣ лѣтописи стояла славянская буквенная цыфра М съ другою подъ титломъ, она могла означать не 40, а *многа лѣта;* а если тамъ написано было складомъ, то вмѣсто четыредесяти должно читать *четыренадесять* лѣтъ (15).

Замѣняемо ли было у насъ когда либо нарѣчіе *много* буквою М съ другою неизвѣстною подъ титломъ, на это мы желали бы видѣть хоть одинъ примѣръ, который тѣмъ болѣе необходимъ, что и нарѣчіе *мало* начинается съ той же буквы; приведенный же изъ надписи тмутороканскаго камня нейдетъ къ доказательству: тамъ въ словахъ «*мьрилъ* М *по леду* отъ Тмутороканя до Кърчева» буква М ничего другого означать не можетъ, кромѣ *моря*, и никакой чтецъ не превратитъ ее ни въ *моръ*, ни въ *мразъ*, ни въ *мракъ* (16). Въ Остромировомъ Евангеліи, на нѣсколькихъ страницахъ, написано *мъного, мъногa лѣта* безъ всякихъ сокращеній; и въ другихъ древнихъ рукописяхъ это слово не встрѣчается подъ титломъ (17). Четыренадесять же лѣтъ, присоединенныя къ 1051 году, приводятъ къ 1065 году, неознаменованному ничѣмъ ни въ антоніевой жизни, ни въ обители Печерской; да и по лѣтописи годъ этотъ замѣчателенъ только кончиною тмутороканскаго князя Ростислава отъ отравы, данной херсонскимъ катапаномъ (18).

Положительно можемъ утверждать, что сорока-лѣтнее безотлучное пребываніе антоніево въ пещерѣ — «не выходя изъ печеры лѣтъ 40 никдѣ же», относится до одной, ископанной имъ на Берестовскомъ холму, во вторичное, послѣднее возвращеніе съ Аѳона, какъ сказано и въ печатномъ Патерикѣ (19), и счи-

тается съ 1017 до 1057 года, въ которомъ Антоній, имѣя при себѣ уже 12 братій, и поставивъ имъ игуменомъ Варлама, самъ переселился, для уединенной жизни, на другой сосѣдній холмъ, гдѣ нынѣ въ Печерскомъ монастырѣ ближнія пещеры (20), и тамъ ископалъ себѣ новую пещеру. Въ этомъ убѣжищѣ онъ провелъ еще 16 лѣтъ; но пребываніе его тутъ, также какъ и прежде двугодичное въ Варяжской, не могло быть названо *безвыходнымъ:* Варяжскую оставлялъ онъ отхожденіемъ своимъ на Аѳонъ, а изъ ископанной въ 1057 году взятъ былъ въ 1068 году въ Черниговъ людьми, присланными ночью отъ тамошняго князя Святослава Ярославича, когда былъ оклеветанъ великому князю Изяславу за благорасположеніе къ полоцкому князю Всеславу, случайно возсѣдавшему на кіевскомъ престолѣ 7 мѣсяцевъ, съ 15 сентября 1067 по 15 апрѣля 1068 года (21). Находясь въ Черниговѣ, Антоній изготовилъ себѣ тамъ своими руками пещеру въ Болдиной горѣ (22) и уже чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ свою кіевскую, вторую, въ которой и опочилъ навѣки, въ 1073 году, на девятидесятомъ своей жизни (23).

§ 2. *О несторовомъ имени въ Патерикѣ и на заглавіи лѣтописи русской.*

Г. Кубаревъ относитъ къ отважной смѣлости издателей Патерика, составленнаго въ 1462 году для Кассіана, уставщика печерскаго, что они, въ заглавіе статьи о началѣ Печерскаго монастыря, включили несторово имя,—что къ словамъ «къ нему же, Ѳеодосію, и азъ придохъ худый и недостойный рабъ», прибавили «Несторъ», и что въ повѣствованіи объ открытіи ѳеодосіевыхъ мощей, гдѣ въ лѣтописи написано, въ трехъ мѣстахъ, только *азъ*, въ Патерикѣ присовокупили «*Несторъ*». Обвиненіе въ такомъ своевольствѣ издателей этого патерика г. Кубаревъ основываетъ на томъ, что въ 12 другихъ извѣстныхъ ему рукописныхъ спискахъ Патерика, сличенныхъ съ Кассіановскимъ, имени несторова нѣтъ, а потому и совѣтуетъ всего менѣе довѣрять рецензіи кассіановской по вставкамъ, находящимся въ житіи Ѳеодосія (24).

Сколько видно, г. Кубаревъ въ признаніи Кассіановскаго патерика за особую редакцію положился на послѣсловіе къ рукописному патерику, принадлежащему библіотекѣ Румянцовскаго музея, неимѣющему заглавнаго листа и нѣсколькихъ первыхъ (25). Въ этомъ послѣсловіи сказано: «Написана бысть книга сія, нарицаемыя Паторикъ Печерскій, житія и чюдеса святыхъ и преподобныхъ отецъ печерскихъ Антонія и Ѳеодосія, и всѣхъ преподобныхъ отецъ печерскихъ, а повелѣніемъ смиренно-инока Кассіана, уставника печерскаго, въ лѣто 6970 (1462) индикта 10, мѣсяца апрѣля 10, въ субботу святаго и праведнаго

Лазаря, друга Христова, на память святыхъ мученикъ Терентія и Помпія и иже съ ними, въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ обители царьстей Пречистыя Богоматери и преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія, въ Печерскомъ монастырѣ святаго и великаго святителя и чудотворца Христова Николы Мурликійскаго, въ пустынцѣ при»... Конецъ утраченъ (26). Патерикъ же, поступившій въ Императорскую Публичную библіотеку въ рукописяхъ графа Толстова, имѣетъ слѣдующее надписаніе: «Сіи книгы прежде сего написаны быша, нарицаемыя Патерикъ Печерскій, лѣта 6968 (1460) въ Кіевѣ, въ монастырѣ Печерскомъ, при княженіи князя Симеона Александровича (Олельковича, 1451—1471 г.) для священно-инока *Акакія*; нынѣ же сія книгы написаны въ лѣто 6970 (1462) въ Кіевѣ же, при княженіи великаго князя Василія Васильевича († 1462 года), при архимандритѣ печерскомъ Николаѣ (1446 — 1463 г.) (27), а повелѣніемъ инока *Кассіана*, крилошанина печерскаго; а написаны быша (прежде) книгы сія на имя священно инока Куръ-*Акакія*, бывшаго намѣстника кіевскаго. Нынѣ же сія книгы написаны быша, нарицаемыя Патерикъ, въ лѣто 6970 (1462) въ Москвѣ, въ обители Великаго Вознесенія, при княженіи великаго князя Василія Васильевича и при архіепископѣ Ѳеодосіи (28), а повелѣніемъ княгини иноки Евпраксіи, рукою дву діячишковъ Григорія и Ермолая, скорости ради, въ лѣто 7057 (1549)» (29). Снеся это надписаніе Толстова патерика съ послѣсловіемъ Румянцовскаго, усмотримъ, что Кассіановскій есть только сколокъ, снятый въ 1462 году съ Патерика, написаннаго въ 1460 году для того архимандрита *Акакія* (30), котораго митрополитъ россійскій Іона (1449 — 1461 г.) прислалъ изъ Москвы въ Кіевъ въ качествѣ своего намѣстника, для управленія въ томъ краѣ духовными и церковными дѣлами (31), и что также въ 1462 году списанъ съ акакіева и другой въ Москвѣ, въ Вознесенской обители, а съ сего послѣдняго снятъ списокъ въ 1549 г. для иноки княгини Евпраксіи, и онъ-то пріобрѣтенъ былъ графомъ Толстовымъ. Кѣмъ же и когда составленъ Патерикъ, писанный въ 1460 году для Акакія, неизвѣстно, и мнѣніе Карамзина, что Патерикъ сочиненъ Симономъ и Поликарпомъ еще въ XIII вѣкѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію (32). Г. Кубаревъ говоритъ, что эту книгу Поликарпъ зоветъ *Патерикомъ* въ началѣ житія Марка Пещерника, и Симонъ въ посланіи къ Поликарпу даетъ ей тождезначащее славянское имя *Отечникъ*, указывая на житіе Ареѳы (33). Симонъ и Поликарпъ сдѣлали бы непростительное упущеніе, если бы не включили въ составъ Патерика несторовыхъ сочиненій: о зачалѣ Печерскаго монастыря, о житіи и кончинѣ Ѳеодосія, о перенесеніи его мощей и о житіи первыхъ

подвижниковъ печерскихъ, о которыхъ, въ рукописныхъ патерикахъ XV и XVI вѣка, помѣщено отдѣльное слово (34). Безъ всѣхъ сихъ произведеній несторова пера, исторія Печерской обители не имѣла бы ни ясности, ни полноты (35).

Разность между патериками Толстова и Румянцова, по поверхностному сличенію ихъ покойнымъ Калайдовичемъ, состоитъ въ томъ, что въ Румянцовомъ, въ житіи Ѳеодосія, къ словамъ сего игумена, обращеннымъ въ предсмертной его болѣзни къ посѣтившему его великому князю Святославу: «Се поручаю твоему благочестію святый сей монастырь Печерскій», прибавлено «и да необладаетъ имъ ни архіерей, ни инъ никтоже отъ клириковъ софійскихъ, но токмо заповѣдаетъ его твоя держава, и по тебѣ дѣти твои до послѣднихъ роду твоего.» Не знаемъ, справедливы ли слова г. Кубарева, что эта прибавка находится *почти* во всѣхъ спискахъ Патерика (36); въ печатномъ и въ лѣтописныхъ спискахъ ея нѣтъ; ею же изобличается подлогъ такого писца, который незналъ даже тогдашняго порядка наслѣдованія кіевскаго великокняжескаго престола въ ярославовомъ потомствѣ, по старшинству одного брата послѣ другого. Могъ ли Ѳеодосій, не преставшій напоминать Святославу о противозаконномъ изгнаніи изъ Кіева, въ 1073 году, старѣйшаго брата Изяслава, предвидѣть, что сыновья святославовы и ихъ потомки удержатъ въ рукахъ своихъ кіевскую державу? Не далѣе, какъ въ 1076 году, по смерти Святослава, возвратился въ Кіевъ Изяславъ; по немъ княжилъ тамъ братъ его Всеволодъ, а потомъ Святополкъ-Михаилъ, сынъ старшаго брата Изяслава (37). Другою вставкою нельзя не признать сказанное въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ, что Ѳеодосій, предоставляя инокамъ печерскимъ избрать на его мѣсто игумена изъ среды своей, исключилъ Николу и Игнатa (38). Мы не можемъ допустить мысли, чтобъ Ѳеодосій, кроткій и смиренный, какъ называлъ его Антоній при назначеніи въ игумены, пожелалъ, отходя въ вѣчность, оскорбить двухъ черноризцевъ своей обители, когда и безъ того причины неспособности ихъ къ настоятельству не могли быть прочей братіи неизвѣстны.

Къ сожалѣнію, г. Кубаревъ не сообщилъ намъ свѣдѣнія о тѣхъ многихъ спискахъ Патерика, которые онъ употреблялъ для сличенія съ Кассіановскимъ (39), и въ которыхъ не нашелъ имени несторова въ статьяхъ о началѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, а потому и утверждаетъ, что это имя включено только въ Кассіановскую рецензію, отличающуюся отъ прочихъ вставками, и что ее-то одну приняли въ основаніе издатели печатнаго Патерика (40). Такъ ли? Не въ однихъ спискахъ патерика Толстова и Румянцова, снятыхъ съ

Акакіева 1460 года, но также въ патерикѣ Синодальной библіотеки, въ двухъ сборникахъ Новогородской Софійской библіотеки (41), въ патерикахъ и сборникахъ XVI вѣка, показанныхъ въ описаніяхъ рукописей Толстова, Румянцова и почетнаго гражданина Царскаго (42), вездѣ на заглавіи вышепоказанныхъ двухъ статей, сокращенно внесенныхъ въ лѣтопись, имя несторово вписано при слѣдующихъ словахъ; *въ первой*: «Нестера мниха обители монастыря Печерьскаго сказаніе, что̀ ради прозвася Печерьскій монастырь,» т. е. въ томъ словѣ, гдѣ Несторъ говоритъ, что Антоній родился въ Любечѣ, отшелъ на Аѳонъ и двоекратно возвращался оттуда въ Кіевъ, и гдѣ сочинитель объявляетъ о себѣ: «придохъ же азъ къ нему (Ѳеодосію) худый и недостойный рабъ Нестеръ, и пріятъ мя тогда ми лѣтъ сущу 17 отъ рожденія моего»; *въ другой*: «Нестера мниха монастыря Печерскаго о перенесеніи мощемъ св. преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго» (43). Здѣсь сочинитель троекратно говоритъ о себѣ еще и въ самомъ текстѣ: «азъ грѣшный Нестеръ». Если же онъ помѣстилъ имя свое въ такихъ сочиненіяхъ, которыхъ у него никто оспорить не можетъ: при концѣ чтенія о Борисѣ и Глѣбѣ (44) и въ житіи ѳеодосіевомъ на заглавіи и въ текстѣ, то почему бы онъ не позволилъ себѣ сдѣлать тоже и въ сказаніяхъ о зачалѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, когда даже и перепищики не забывали выставлять свое имя, какъ, напримѣръ, Сильвестръ и Лаврентій (45)?

Далѣе, къ устраненію имени несторова изъ его сочиненій, г. Кубаревъ пишетъ: а) въ древнѣйшія времена отнюдь не было въ обыкновеніи сочинителей, незнаменитыхъ по сану и молвѣ, въ *заглавіи* выставлять свое имя; если же оно въ какомъ либо спискѣ является, мы должны приписать это убѣжденію писца, а отнюдь не обычаю сочинителя, и можно сказать, что почти за правило было принято у сочинителей говорить о себѣ въ *предисловіи*, или еще обыкновеннѣе въ *послѣсловіи*; такъ поступилъ и Несторъ въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ и о житіи ѳеодосіевомъ; и б) въ тѣже древнѣйшія, простодушныя времена ни перепищики, ни читатели вовсе не заботились о сочинителѣ, полагая всю важность только въ содержаніи сочиненія; всякій немного книжный человѣкъ, безъ сомнѣнія, думалъ, что онъ и самъ могъ бы также хорошо описывать событія, какъ и тотъ авторъ, котораго книгу онъ имѣлъ въ рукахъ (46).

Предоставляя читателямъ оцѣнить мнѣніе г. Кубарева о равнодушіи предковъ нашихъ къ сочинителямъ и о высокоуміи тогдашнихъ книжниковъ нашихъ (47), мы не въ состояніи понять особенной важности въ томъ, гдѣ встрѣчается имя сочинителя: на *заглавіи* ли, въ *предисловіи*, въ *послѣсловіи*, или въ самомъ тек-

стѣ. Извѣстно намъ, что встарину писатели наши не скрывали своихъ именъ, слѣдуя апостольскимъ посланіямъ. Такъ на *заглавіи* сочиненія, относимаго къ XI вѣку: «Память и похвала князю русскому Владиміру, како крестися, и дѣти своя крести и всю землю русскую», сказано: «Списано Иіаковомъ мнихомъ», который и въ текстѣ говоритъ: «азъ худый мнихъ Иіаковъ, слышавъ отъ многихъ о... Володимерѣ (48)». Такъ на *заглавіи* поученія Кирилла, епископа туровскаго, читаемъ: «Слово Кюрила, недостойнаго, грѣшнаго мниха (49)». Такъ и на *заглавіи* повѣсти о преставленіи св. праведныя матери Іуліаніи муромскія, сказано: «списано грѣшнымъ Калистратомъ, пореклу Дружиною Осорьинымъ»; а онъ не былъ знаменитъ по сану и молвѣ, занимавши въ Муромѣ должность губнаго старосты (50), какъ и инокъ Іаковъ, котораго санъ никому неизвѣстенъ. Современникъ несторовъ, игуменъ русскій Даніилъ (1104—1115 г.), въ первыхъ строкахъ своего Странника, пишетъ: «се азъ недостойный игуменъ Данило (51); другой современникъ несторовъ Владиміръ Мономахъ (1053—1225 г.) Поученіе свое начинаетъ: «азъ худый..... въ крещеніи Василій, русскимъ именемъ Владимеръ (52)»; въ текстѣ же посланія Симона къ Поликарпу: «азъ грѣшный Симонъ епископъ» (53), и въ посланіи Поликарпа къ Акиндину: «азъ грѣшный Поликарпъ» (54). Подобныхъ примѣровъ можно указать много въ древнихъ памятникахъ русскихъ. Слѣдовательно, и инокъ Несторъ не шелъ на перекоръ обычаю, означивъ имя свое на *заглавіи* и въ текстѣ отдѣльныхъ сочиненій своихъ о зачалѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, также какъ и на *заглавіи* житія ѳеодосіева, гдѣ имя несторово г. Кубаревымъ просмотрѣно. Если бы оно вставлено было Симономъ или Поликарпомъ, то, безъ сомнѣнія, сопровождалось бы почетнымъ прилагательнымъ *блаженный* или *преподобный*, приписаннымъ ими Нестору въ житіи Никиты затворника и въ житіи Агапита врача.

Къ поддержанію мнѣнія, какъ бы уже неоспоримо доказаннаго, что сочинители, не знаменитые по сану и молвѣ, не выставляли на *заглавіи* ихъ твореній своего имени, г. Кубаревъ обращаетъ правило сіе и на временникъ, носящій несторово имя. Онъ полагаетъ: а) что на *заглавіи* лѣтописи русской никогда имя несторово не стояло; а если были или есть списки съ его именемъ, то оно вставлено было самими переписчиками, которые основывались *на своихъ собственныхъ заключеніяхъ о сочинитель;* б) что имя Нестора, какъ сочинителя лѣтописи, сдѣлалось общимъ только *въ концѣ* XV столѣтія, когда *въ началѣ* онаго нѣкоторые книжные люди стали умножать патерикъ Печерскій статьями изъ лѣтописи *Несторовой*, относящимися къ исторіи

монастыря Печерскаго и первыхъ его подвижниковъ, и в) что и тѣ списки лѣтописи, которые находились въ рукахъ Симона и Поликарпа, и изъ которыхъ они дѣлали извлеченія въ свои сочиненія, не имѣли на заглавіи нестерова имени, и только общее мнѣніе утвердило лѣтопись за Несторомъ (55).

Всѣ эти разсужденія г. Кубарева приводятъ насъ къ слѣдующимъ вопросамъ: 1) изъ чего родилось въ умѣ разныхъ переписщиковъ одинаковое заключеніе, что лѣтописецъ былъ Несторъ? Казалось бы, имъ удобнѣе было признать за бытописателя русскаго или Василія, упоминаемаго въ лѣтописи, или Сильвестра, сдѣлавшаго въ ней, подъ 1110 годомъ, приписку; а означивъ своевольно на заглавіи Временника имя несторово, почему бы уже не прибавить его и въ текстѣ лѣтописи ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сочинитель говоритъ о себѣ *изъ, ми?* 2) Если книжные люди стали умножать Патерикъ, еще *въ началѣ* XV *вѣка*, статьями изъ лѣтописи (хотя это происходило наоборотъ), по какому же поводу включили въ Патерикъ несторово имя, не видѣвши его на лѣтописи? и отчего имя несторово явилось въ Патерикѣ не тогда, а уже *въ концѣ того вѣка*, встрѣчаясь, однако, въ Арсеньевскомъ патерикѣ, писанномъ въ 1406 году по матеріяламъ, существовавшимъ, конечно, ранѣе XV столѣтія? и 3) откула г. Кубаревъ получилъ свѣдѣніе, что на спискѣ лѣтописи, бывшемъ въ рукахъ Симона и Поликарпа, имени нестерова не стояло, и что только общее мнѣніе признавало Нестора творцемъ лѣтописи русской уже при ихъ жизни, слѣдовательно и въ XII и въ XIII вѣкѣ? Надобно знать, что Симонъ, изъ иноковъ Печерской обители, былъ сперва игуменомъ Владимірскаго (на Клязьмѣ) Рождественскаго монастыря и упоминается тамъ въ 1206 году по случаю, что былъ духовникомъ скончавшейся тогда великой княгини Маріи, Ясыни, супруги Всеволода Георгіевича Суздальскаго. Въ 1214 году Симонъ хиротописанъ во епископа епархіи Владимірской и Суздальской, скончался въ 1226 году. Лѣтописецъ называетъ его блаженнымъ, милостивымъ, учительнымъ (56). Дѣйствовавшими въ Россіи церковными узаконеніями императора Юстиніана повелѣно: въ презвитеры поставлять не моложе 30, а въ епископы избирать мужа, имѣющаго не менѣе 35 лѣтъ, проведшаго 15 лѣтъ въ монашескомъ житіи (57). Примѣняя эти правила къ Симону, можемъ полагать приблизительно къ истинѣ, что если онъ въ 1206 году имѣлъ сорока-лѣтній возрастъ, то родился около 1166 года, и, слѣдовательно, между временемъ прекращенія лѣтописи Несторовой и появленія на свѣтъ Симона протекло не болѣе полувѣка, и Симонъ могъ видѣть людей съ Несторомъ лично знакомыхъ. Притомъ, если Симонъ и Поликарпъ, описывая житіе и

подвиги двадцати-пяти иноковъ печерскихъ, по преданію и по сказанію очевидцевъ, помнили имена современниковъ несторовыхъ: Никиты затворника, принявшаго иночество въ 1078 году, Алипія иконописца, изучившагося этому художеству въ Кіевѣ у греческихъ иконописцевъ, постригшагося въ 1087 и жившаго въ 1114 году, — Марка пещерника, бывшаго инокомъ въ 1091 году при перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей,—Василія и Ѳеодора, скончавшихся въ 1093, Григорія чудотворца, утопленнаго въ Днѣпрѣ 1094, Евстратія постника и Никиты сухого, плѣненныхъ половцами въ 1096, — Прохора чудотворца, бывшаго инокомъ 1097—1107 года, и Агапита врача, современника черниговскому князю Владиміру Мономаху (58): какже бы Симону и Поликарпу не знать Нестора, инока весьма замѣчательнаго по дарованіямъ, уму и благочестію, принесшаго своими твореніями неувядаемую славу обители Печерской (59)?

Въ греческой хроникѣ Амартоловой написано, по переводу болгарскому XIII вѣка, въ оглавленіи: «Книгы временныя Георгія мныха сказъ», и далѣе: «Временникъ впростѣ отъ различныхъ же хроногфрафъ и сказатель, събранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ мнихомъ (60).» Такъ какъ извѣстно, что Несторъ Амартолову хронику имѣлъ въ своихъ рукахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ, по примѣру сего Георгія, самъ начерталъ свое имя на заглавіи своего временника, которое и перенесено на нѣкоторые древніе списки съ подлинника, потеряннаго невозвратно.

§ 3. *О связи несторовыхъ сочиненій въ Патерикѣ и въ Лѣтописи.*

Послѣ слова «о житіи и о погубленіи блаженною страстотерпцю Бориса и Глѣба (61)», Несторъ занялся описаніями, относящимися непосредственно до обители Печерской; онъ начерталъ житіе Ѳеодосія, «да и по насъ — говоритъ онъ — черноризцы пріимше писаніе и почитающе, и тако видяще мужа доблесть, восхвалятъ Бога и угодника Его прославляютъ, и на прочіе подвиги укрѣпляются (62)», и составилъ чтенія: одно о зачалѣ Печерскаго монастыря, другое объ открытіи и перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей изъ пещеры въ церковь, и третье о первыхъ черноризцахъ, подвижникахъ печерскихъ. Что каждое изъ сихъ чтеній изложено отдѣльно, это мы видимъ въ патерикахъ Румянцовомъ и Толстовомъ, также и въ другихъ патерикахъ и сборникахъ, писанныхъ въ XIV или XV и въ XVI вѣкѣ (63). Несторъ внесъ въ свою лѣтопись, для связи съ гражданскою исторіею, нѣкоторыя дословно, а нѣкоторыя сокращенно. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и статья: «что ради прозвася Печерскій монастырь»; оттого нѣтъ въ лѣтописи извѣстія о двукратномъ путешествіи Антонія на Аѳонъ, о пришествіи

Ѳеодосія въ Антоніеву Берестовскую пещеру, о постриженіи его въ иноки презвитеромъ Никономъ, объ отшествіи Никона въ Тмутороканскій островъ, объ основаніи имъ въ той странѣ монастыря (64) и о посвященіи Ѳеодосія въ презвитерскій санъ. Слѣдовательно, Слово о началѣ Печерскаго монастыря заимствовано не изъ лѣтописи въ Патерикѣ, какъ казалось г. Кубареву (65), а наоборотъ. Это тѣмъ очевиднѣе, что Несторъ, говоря въ лѣтописи о началѣ Печерскаго монастыря, подъ 1051 годомъ, по поводу посвященія тогда въ митрополиты Иларіона, разсказомъ своимъ объ Антоніи, сперва обращается назадъ ко временамъ Владиміра Великаго, потомъ идетъ впередъ лѣтъ на 20, до введенія въ Печерскую обитель Студейскаго устава, и до своего въ нее вступленія, а далѣе возвращается снова къ 1052 году, къ своему хронологическому порядку (66). Несторъ оканчиваетъ эту статью, въ отдѣльномъ чтеніи и въ лѣтописи, одинакими словами: «Се же написахъ и положихъ (67) оже въ кое лѣто (съ какого времени) началъ быти монастырь, и что ради зовется Печерскій, а о Ѳеодосіеви житіи *паки* скажемъ (68)». Въ древнихъ спискахъ Патерика за этою фразою слѣдуетъ полное описаніе ѳеодосіева житія; а въ лѣтописи, за тою же самою фразою, Несторъ уже не повторяетъ ни объ избраніи Ѳеодосія въ игумены на мѣсто Варлама, ни о принятіи Ѳеодосіемъ Студійскаго устава, и проч., а говоритъ коротко, въ хронологическомъ порядкѣ: подъ 1072 годомъ о бытіи Ѳеодосія на торжественеомъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба; подъ 1073 о заложеніи Ѳеодосіемъ для Печерскаго монастыря каменной Успенской церкви (69), — подъ 1074 о преставленіи Ѳеодосія, съ оговоркою: «скаженъ о успеніи его мало», какъ и дѣйствительно не все тутъ помѣщено, что читаемъ въ житіи Ѳеодосія, — подъ 1091 — объ открытіи и перенесеніи изъ пещеры въ каменную Успенскую церковь ѳеодосіевыхъ мощей, и о послѣдовавшей тогда кончинѣ яневой жены Маріи, духовной ѳеодосіевой дочери, погребенной, по его предреченію, въ томъ же храмѣ; наконецъ, подъ 1108 годомъ о вписаніи имени ѳеодосіева въ Синодикъ (70). Все это относится въ лѣтописи къ словамъ Нестора: «а о Ѳеодосіеви житіи *паки* скажемъ (71).» Хотя же г. Кубаревъ подъ нарѣчіемъ *паки* разумѣетъ здѣсь *въ другое время, въ другомъ мѣстѣ, инде*, т. е. «О Ѳеодосіевомъ житіи мы повѣствуемъ въ другомъ мѣстѣ», и якобы Несторъ указываетъ на особо написанное имъ житіе ѳеодосіево (72); но спрашивается: зачѣмъ же въ лѣтописи идетъ далѣе рѣчь о Ѳеодосіи подъ годами 1072, 1073, 1074, 1091 и 1108? и гдѣ нарѣчіе *паки* употреблено въ томъ смыслѣ, въ какомъ г. Кубаревъ его принимаетъ? Во всей лѣтописи Несторовой и въ прочихъ сочиненіяхъ его на-

рѣчіе *паки* означаетъ *еще, опять* (75), точно такъ, какъ въ возглашеніяхъ на божественной службѣ: «Паки и паки міромъ Господу помолимся.»

§ 4. *О печатномъ патерикѣ Печерскомъ.*

Г. Кубаревъ дѣлаетъ упрекъ издателямъ печатнаго Патерика: а) что они дали другое расположеніе статьямъ противъ патериковъ рукописныхъ, къ житіямъ святыхъ придѣлали свои вступленія и заключенія, поновили языкъ и проч.; б) что они, помѣстивъ слово о покованіи раки преподобнаго Ѳеодосія, послѣ житія его, покрыли неизвѣстностію имя сочинителя этой статьи, и в) что смѣшали встрѣчающагося въ лѣтописи старца Яна съ бояриномъ Іоанномъ, упоминаемымъ въ житіи Ѳеодосія, отчего игуменъ Варламъ сдѣлался внукомъ Вышаты, правнукомъ Остромира, посадника новогородскаго, *къ великому недоумѣнію* Карамзина, который не зналъ источника этой родословной (74).

Въ предисловіи къ печатному Патерику, вышедшему въ свѣтъ впервые въ 1661 году, издатели сказали, что изображаютъ типомъ житія святыхъ печерскихъ по сочиненіямъ Нестора, Симона и Поликарпа, на пользу православныхъ, увѣщеваютъ ихъ къ почитанію святыхъ печерскихъ и совѣтуютъ научаться изъ ихъ житія терпѣнію въ напастяхъ, въ болѣзни и въ оклеветаніи, содержанію поста, подвигу въ рукодѣліи, служенію больнымъ, обращенію къ покаянію. Ясно, что издатели имѣли въ виду не филологическую сторону древнихъ списковъ Патерика, а единственно доставленіе христіянамъ назидательнаго чтенія на нарѣчіи для нихъ удобопонятномъ.

Сочинитель слова о покованіи раки преподобнаго Ѳеодосія не только не скрытъ, но тамъ даже въ трехъ мѣстахъ сказано, что оно принадлежитъ епископу Симону (75).

Покойный исторіографъ нашъ безъ всякаго недоумѣнія, а съ полнымъ равнодушіемъ замѣтилъ ошибку издателей печатнаго Патерика, назвавшихъ Варлама внукомъ того Вышаты, который въ 1064 году отправился въ Тмуторокань съ княземъ Ростиславомъ Владиміровичемъ, внукомъ Ярослава I. Карамзинъ зналъ основательно, что Варламъ былъ внукъ другаго Вышаты, водившаго, въ 1043 году, войско ярославово на грековъ; и имѣвшаго сына Яна, кіевскаго полководца, какъ сказано во всѣхъ лѣтописныхъ спискахъ (76). Имя этого Яна Вышатича встрѣчается въ несторовомъ Временникѣ 1043, 1071, 1089, 1091, 1093 и 1106 года. Игуменъ Ѳеодосій былъ духовнымъ отцемъ его и, любя его и супругу его Марію, «занеже живяста по заповѣди Господни, и въ любви между собою пребываста», посѣщалъ ихъ домъ, подавая имъ благословеніе; а Несторъ отъ сего Яна, «смысленнаго мужа, многа словеса слышахъ, еже и

вписахъ въ лѣтописаньи (77)». Жена янова, Марія, скончалась 16 августа 1091 года и, какъ знаменитая гражданка, погребена въ печерской Успенской церкви; а Янъ умеръ въ 1106 году, и тѣло его, 24 іюня, положено въ притворѣ того же храма (78). Такъ какъ имя Янъ есть сокращенное Іоанна, или Ивана, чему находимъ много примѣровъ, то тотъ самый мужъ, который зовется въ лѣтописи Яномъ, въ рукописныхъ патерикахъ иногда Иваномъ, какъ и въ печатномъ, Іоанномъ, первымъ въ болярахъ у князя; но и тутъ, при словѣ о супругѣ этого болярина, сказано: янева подружье Марія (79).

Очевидно, что г. Кубаревъ не хотѣлъ повѣрить Карамзину, который написалъ: «Добрый 90-лѣтній старецъ Янъ, славный воевода, умеръ 1106 года» (80), а согласился съ Шлёцеромъ (81), съ сочинителемъ словаря историческаго о писателяхъ духовнаго чина грекороссійской церкви (82), съ Шафарикомъ (83) и другими, которые въ Янѣ признавали инока печерскаго, товарища несторова; потому только, что онъ названъ въ лѣтописи *добрымъ старцемъ*. Названіе *добраго старца* дано Яну, или Ивану, Іоанну, по причинѣ достиженія имъ 90-лѣтняго возраста. Такъ въ лѣтописи, подъ 1147 годомъ, сказано о мужѣ князя Всеволода Давидовича Черниговскаго: «преставися *добрый старець* Петръ Ильичъ», который, находясь въ походѣ съ княземъ Святославомъ Всеволодовичемъ, не могъ уже сидѣть на конѣ: «бѣ бо ему 90 лѣтъ (84)».

§ 5. *О Патерикѣ тверскаго епископа Арсенія.*

Не одобряя патериковъ, ни печатнаго, ни Кассіановскаго, списаннаго съ Акакіева, г. Кубаревъ отдаетъ преимущество патерику, принадлежавшему, въ 1406 году, тверскому епископу Арсенію (1390 — 1410 г.), а теперь находящемуся въ рукахъ ржевскаго купца Берсенева, и эту книгу, неимѣющую, впрочемъ, названія патерика, ставитъ во главѣ всѣхъ существующихъ нынѣ рукописныхъ патериковъ (85), забывая, однако, что есть другіе, которые разнятся съ Арсеньевскимъ и прочими редакціями, напримѣръ, помѣщенный въ пергаминномъ сборникѣ, хранящемся въ Новогородской Софійской библіотекѣ, писанномъ въ исходѣ XIV или въ XV вѣкѣ (86). Мы не имѣли у себя Арсеніевой рукописи; знаемъ ее только по подробному описанію, напечатанному г. Кубаревымъ. Въ послѣсловіи ея сказано: «въ лѣто $\overline{\text{SAД}}$, индикта $\overline{\text{Д}}$І, мѣсяца марта въ $\overline{\text{КА}}$ день, на память св. отца Якова, созданы быша книги сія при благовѣрномъ в. к. Иванѣ Михайловичѣ, *замышленіемъ* боголюбиваго епископа Арсенія Тфѣрьскаго. Аминь (87)». Здѣсь слово *замышленіе* не означаетъ ни сочинителя, ни собирателя, а только особу, пожелавшую имѣть у себя списокъ съ готовой книги. Такъ и про-

тивень съ книги: «Зерцало и вопросы съ отвѣтами съ Аѳонасія Александрійскаго», писанъ въ 1418 году *замышленіемъ* игумена Никона (88). Въ арсеніевой книгѣ (89), въ житіи Ѳеодосія, вмѣсто словъ: «азъ грѣшный Нестеръ пріимъ» и проч. написано: «азъ грѣшный *не стерпѣвъ*», и только въ житіи Никиты затворника имя Нестора лѣтописцо означено явственно (90). Нѣтъ слова о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей, нѣтъ изъ несторовыхъ жизнеописаній Матѳея и Исакія; а несторова повѣсть о Даміанѣ и Іереміи приписана Поликарпу; нѣтъ житія новогородскаго епископа Нифонта, а нѣтъ потому, какъ полагаетъ г. Кубаревъ, что оно будто бы не есть симоново, но выписано издателями печатнаго патерика (1661 г.) изъ Новогородской лѣтописи. Правда ли? Это житіе мы находимъ въ патерикахъ, писанныхъ въ XVI вѣкѣ (91). И если Симонъ въ посланіи къ Поликарпу, исчисляя иноковъ печерскихъ, достигшихъ сана архіерейскаго, именуетъ между ними Нифонта новгородскаго (1130 — 1156 г.) (92), то могъ ли Симонъ забыть сего знаменитаго благочестіемъ и ученостію мужа, бывшаго инока печерскаго, почивающаго въ кіевскихъ пещерахъ (93)? Въ Арсеньевомъ патерикѣ не сказано, что болѣзнующаго къ смерти Ѳеодосія, за два дня до кончины его, посѣтилъ в. к. Святославъ съ своимъ сыномъ Глѣбомъ, когда Святославъ нерѣдко бывалъ у здравствующаго Ѳеодосія и любилъ его бесѣду (94). Обращенія, въ посланіяхъ Симона къ Поликарпу и Поликарпа къ Акиндину, выброшены писцами, которые часто позволяли себѣ и выключать и прибавлять, какъ это г. Кубаревъ много разъ находилъ въ Арсеніевой книгѣ. Житіе Алипія иконописца не помѣщено въ ней будто бы потому, что недостало пергамина; а поелику сего не могло случиться у такого собирателя, какъ епископъ Арсеній, то г. Кубаревъ полагаетъ, что Берсеневскій патерикъ не есть первообразъ Арсеньевскаго, а списокъ съ него, *годами двадцатью моложе своего подлинника*, сохранившій на себѣ ту же приписку 1406 года, какая стояла на оригиналѣ. Не оставимъ замѣтить, что тутъ г. Кубаревъ сократилъ уже древность Берсеневскаго патерика на два десятка лѣтъ; онъ остерегся допустить большее число для того, чтобъ удержать за Берсеневскимъ старшинство передъ Акакіевымъ 1460 и Кассіановымъ 1462 года, хотя зависѣло совершенно отъ самого г. Кубарева убавить списокъ берсеневой рукописи на 50, на 60 и даже, пожалуй, на цѣлыя сто лѣтъ. Впрочемъ, г. Кубаревъ не скрываетъ, что въ этомъ патерикѣ, въ заглавіи статей, языкъ не очень исправенъ, отнюдь не соотвѣтствуетъ слогу самыхъ сочиненій, и содержаніе не всегда вполнѣ согласуется съ статьею; во всемъ же томъ винитъ онъ уже не соби-

рателя или составителя сего патерика, а перепищика ([95]), будто бы отдано было ему на произволъ писать что́ хочетъ.

Итакъ, достоинство рукописи, принадлежащей Берсеневу, состоитъ единственно въ томъ, что она списана когда-то съ другой, писанной въ 1406 году для епископа Арсенія, и что она не бумажная, а пергаминная, какъ будто послѣдній матеріялъ можетъ всегда сообщать рукописи особенное предпочтеніе предъ бумажною того же содержанія ([96]), при всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ и искаженіяхъ, какихъ въ Берсеневомъ патерикѣ немало; напримѣръ, въ немъ написано: вмѣсто Кукши — Купши, вм. Пименъ — Никонъ, вм. яко минуша — имя нарекоша, вм. кто исповѣсть — что́ исповѣсть, вм. свѣтѣніе — свѣдѣніе, вм. (Якунъ отбѣже златыя) луды — руды ([97]), вм. (Ѳеодосію) о семъ никому неявившу — о семъ Никону явившую, и проч.

§ 6. *Зналъ ли Несторъ греческій языкъ?*

По этому вопросу г. Кубаревъ пишетъ: «Удивительно, что еще доселѣ многіе изслѣдователи убѣждены въ томъ, что Несторъ зналъ греческій языкъ. Почти всѣ указанія его на *греческихъ лѣтописцевъ* относятся къ славянскимъ переводамъ; да и самъ Несторъ, въ житіи Ѳеодосіевомъ, называетъ себя грубымъ, невѣждою, необученнымъ никакой хитрости» ([98]).

Мудрено ли было Нестору пріобрѣсть знаніе греческаго языка при его отличныхъ способностяхъ и любви къ книгамъ? Въ его время немало находилось въ Кіевѣ грековъ: высшее духовенство состояло изъ нихъ, а художники и купцы греческіе безпрерывно посѣщали Кіевъ ([99]). Изученіе же чужаго, особенно живаго тогда языка, не требовало необыкновенныхъ умственныхъ усилій. Еще при в. княгинѣ Ольгѣ, въ путешествіи ея изъ Кіева въ Константинополь, находились переводчики для греческаго языка ([100]). При Ярославѣ I было ихъ немало, ибо Несторъ говоритъ подъ 1037 годомъ: «Ярославъ книгамъ прилѣжа и почитая е часто въ нощи и во дне, и собра писцѣ многы и перекладаше отъ Грекъ на Словеньское письмо и списаша книгы многы ([101])». Сынъ ярославовъ, в. к. Всеволодъ, рожденный (1030 г.) шведскою принцессою Ингигердою, нашею Ириною, женатый (съ 1046 г.) на царевнѣ греческой Анастасіи, умершій въ 1093 году, зналъ пять языковъ ([102]). Діаконъ Іоаннъ, написавшій, въ 1073 году, изборникъ для в. к. Святослава, въ болгарскомъ переводѣ греческаго сочиненія Василія премудраго, объяснялъ неудобопонятныя рѣчи другими, заключающими тотъ же смыслъ, безъ сомнѣнія, сличая ихъ съ греческимъ подлинникомъ ([103]). Нѣкій кіевскій черноризецъ Ѳеодосій перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ, по желанію князя Николая Святоши (упом. 1099 — 1142 г.), посланіе папы

Льва Великаго къ Флавіану, патріарху константинопольскому, на четвертый вселенскій Халкидонскій соборъ, бывшій 452 года противъ ереси евтихіевой (104). Преподобный Антоній Печерскій, проведшій измлада до тридцатилѣтняго возраста въ одномъ изъ монастырей горы Аѳонской, не могъ не знать греческаго языка.

Были ли у насъ въ несторово время славянскіе переводы *греческихъ лѣтописей*, упоминаемыхъ Несторомъ, это еще требуетъ доказательствъ. Неспорно, что онъ пользовался хроникою инока Георгія Амартола, однако не по переводу съ греческаго на болгарскій или на сербскій языкъ, сдѣланному уже въ XIII или XIV вѣкѣ (105); ибо по сличеніи сказанія несторова, напечатаннаго въ нашихъ лѣтописяхъ, о древнихъ народахъ и ихъ обычаяхъ, съ сербскимъ переводомъ Амартола и его продолжателей (106), оказываются значительныя разнорѣчія, такія, которыя ведутъ къ заключенію, что Несторъ извлекъ самъ для себя изъ тѣхъ греческихъ книгъ все, что нужно было для его Временника; напримѣръ: а) въ сербскомъ переводѣ сказано: «Великій *Кесаріе*, братъ Великаго Григорія (Назіанзина) различныхъ языкъ и обычаи и образы же и законы исповѣда вкратцѣ таковая сказуетъ: въ коежде бо странѣ и языцѣ, въ овѣхъ убо писанъ законъ есть, въ овѣхъ же обычай»; а у Нестора: «Глаголетъ бо Георгій (амартолъ) въ Лѣтописцѣ, ибо комужде языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычай (107)»; б) въ сербскомъ переводѣ, при описаніи нападенія на Царьградъ Аскольда и Дира, написано: «Руси же приспѣвша внутрь *быти церкве* много сдѣлаша убійства христіанамъ»; а у Нестора: «Си же (Русь) внутрь *суду вшедше*, много убійства крестьянамъ сотвориша (108)». Здѣсь слово *судъ* есть скандинавское *sund* — *проливъ*; и в) въ сербскомъ переводѣ читаемъ: «Іюнія же мѣсяца 11 низьплуша Руси (игоревой) на Константиньградъ съ *кораблі* 10 тысущь»; а у Нестора: «иде Игорь на Греки; яко послаша Болгаре вѣсть къ Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ *скедіи* 10 тысящь (109)». Здѣсь слово *скедія* также есть скандинавское, старинное *skejd*, теперешнее *skepp* — *легкое военное судно*, *ладія* (110). Какимъ же образомъ Несторъ сокращалъ повѣствованіе греческое о семъ нашествіи игоревой Руси, читатель можетъ сличить съ переводами амартоловой хроники, болгарскимъ и сербскимъ (111). Несторъ въ своемъ Временникѣ ссылается еще на Меѳодія патарійскаго. Можно бы думать, что Несторъ пользовался тѣмъ славянскимъ древнимъ переводомъ слова Меѳодія, епископа патарскаго, о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ, который найденъ Карамзинымъ въ Синодальной библіотекѣ (112), но и тутъ встрѣчается значительное несходство: у Нестора ска-

зано: «Александръ Македонскій, пришедъ отъ восточныя страны, и видѣвъ человѣки нечистые отъ *племени Афетовы*, загна ихъ въ полунощныя страны въ горы высокія (115); въ выпискѣ же Карамзина: «Александръ сниде до моря, нарицаемаго Солнечная страна, идѣже и видѣ нечисты языки и скверны; *сынове же сыновъ Іафетовыхъ и внуцы его гнушахуся ихъ*... Александръ... изведе ихъ отъ Востока и погна вслѣдъ ихъ до предѣлъ сѣверныхъ, имъ же нѣсть входа отъ Востока до Запада (114)».

Если Несторъ, по смиренію и скромности, называетъ себя грубымъ, невѣждою, необученнымъ никакой хитрости, худымъ, грѣшнымъ, недостойнымъ, то такъ отзывается о себѣ и Іоаннъ екзархъ болгарскій; «вѣдѣ бо своего ума тупость и грубость», когда, при обширныхъ своихъ познаніяхъ, зналъ греческій языкъ, имѣлъ свѣдѣніе въ еврейскомъ, читалъ Аристотеля и сочиненія греческихъ мудрецовъ (115). Нашъ витія Кириллъ, епископъ туровскій, говорилъ о себѣ: «грубымъ разумомъ изношю гласъ.... мы же груби сущи разумомъ и нищи словомъ (116)». Но самъ г. Кубаревъ нисколько не вѣритъ Нестору въ его невѣжествѣ, а напротивъ сказываетъ: «это былъ одинъ изъ тѣхъ геніальныхъ людей, которыхъ природа обрекаетъ быть писателями на удивленіе вѣкамъ, не совѣтуясь (природа?) ни съ какими Университетами и Академіями (117)».

§ 7. *Когда Несторъ писалъ лѣтопись и на которомъ году ее кончилъ?*

Г. Кубаревъ говоритъ:

а) «Несторъ въ краткомъ хронологическомъ обзорѣ достопамятныхъ эпохъ, между прочимъ показалъ и число лѣтъ правленія князей нашихъ до смерти Святополка-Михаила. Очевидно, что авторъ приступилъ къ сочиненію Лѣтописи уже по смерти Святополка, послѣ 1113 года, въ княженіе Мономаха; а Карамзинъ *по ложному мнѣнію* написалъ, что Несторъ кончилъ свою лѣтопись въ княженіе Святополка».

б) «Несторъ писалъ послѣ смерти Ѳеодосія († 1074 г.) во время частыхъ набѣговъ Половецкихъ на Русскую землю; и такъ въ княженіе или *Святополка* (1193—1113 г.), или Мономаха (1113—1125 г.)».

в) «Несторъ имѣлъ намѣреніе довести Временникъ свой до 1113 года, но прекратилъ его на 1110 году, потому-что предѣлъ человѣческой жизни не допустилъ Нестора кончить свое сочиненіе тамъ, гдѣ предполагалъ».

и г) «По той же причинѣ Несторъ не оставилъ на своемъ Временникѣ и приписки, или послѣсловія отъ своего лица; въ Несторѣ же нельзя допустить такого простодушнаго самозабвенія (118)».

Отвѣчаемъ:

1) Упоминаемый г. Кубаревымъ несторовъ краткій хронологическій обзоръ заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія слова, относящіяся собственно къ Руси: «Въ лѣто 6360 (852), индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ яко при семъ цари приходиша Русь на Царьградъ (866 г. съ Аскольд. и Дир.) яко же пишется въ лѣтописаньи Гречьскомъ (119). Тѣмъ же отселѣ начнемъ и числа положимъ.... Отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Русскаго Князя, лѣта 29; а отъ перваго лѣта Олгова понелѣже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28, а Ярополкъ княжи лѣтъ 8, а Володимеръ лѣтъ 37, а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85, а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи (Михаила) лѣтъ 60. Но мы на прежнее возвратимся, скажемъ, што ся удѣя лѣта си, яко же преже почали бѣхомъ первое лѣто Михаиломъ, а поряду положимъ числа (120)». Эта краткая хронологическая роспись княженій въ Кіевѣ, съ пришествія туда олегова изъ Новагорода, въ 882 году, до 1113 года, есть нечто иное, какъ *предъувѣдомленіе* несторово о кругѣ, обнимаемомъ его «Повѣстью временныхъ лѣтъ, откуда пошла Русская земля, и кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити». Несторъ, по предварительномъ собраніи письменныхъ и устныхъ извѣстій и преданій о племенахъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства, и о протекшихъ событіяхъ, приступилъ къ сочиненію лѣтописи, безъ сомнѣнія, не въ преклонныхъ, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ, и писалъ уже въ 1089 году, при в. к. Всеволодѣ Ярославичѣ, какъ увидимъ далѣе, въ тридцати-пяти-лѣтнемъ возрастѣ, и когда дошелъ до изложенія современныхъ происшествій, конечно, не могъ предвидѣть, далеко ли продлится его жизнь и гдѣ онъ принужденъ будетъ остановиться. Но какъ онъ, почти на 60 году своего возраста, былъ свидѣтелемъ кончины в. к. Святополка-Михаила, въ 1113 году, то и включилъ имя его въ свое предъувѣдомленіе, которое, какъ всякому извѣстно, составляется обыкновенно послѣ окончанія предпринятаго сочиненія, и съ смертію Святополка прекратилъ свой лѣтописный трудъ (121). Такого рода предъувѣдомленіе находимъ и въ Странникѣ игумена русскаго Даніила (1104—1115 г.), современника несторова, изложенное имъ, какъ очевидно, уже по совершеніи путешествія по святымъ мѣстамъ (122).

2) Такъ какъ г. Кубаревъ, въ противорѣчіе себѣ, сказываетъ, что Несторъ писалъ лѣтопись во время или *Святополка*, или

Мономаха, при частыхъ набѣгахъ половцевъ на русскую землю, то г. Кубареву надлежало бы не упоминать уже тутъ о Мономахѣ, а остановиться на одномъ *Святополкѣ*, потому что съ восшествіемъ Мономаха на кіевскій престолъ, въ 1113, до кончины его въ 1125 году, половцы ни однажды не безпокоили русской земли; при Святополкѣ же Михаилѣ (1093 — 1113 г.) съ ними ведено было не менѣе одиннадцати войнъ, почти въ два раза больше, нежели до того времени съ самого 1061 года, въ которомъ половцы впервые оказались врагами нашими, явясь тогда на переяславскихъ восточныхъ предѣлахъ (123). Что Несторъ занимался сочиненіемъ лѣтописи въ 1089, 1090, 1091, 1094 и 1096 годахъ, на это г. Погодинъ представилъ ясныя доказательства (124); а мы пополнимъ ихъ еще двумя показаніями: а) Несторъ говоритъ подъ 1096 годомъ: «Сѣже хощу сказати, еже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ (1092 г.) яже сказами Гурята Роговичъ Новогородецъ», о Печерѣ, Югри и Самояди. Еслибъ Несторъ писалъ это не въ 1096, а при в. к. Владимірѣ Мономахѣ, послѣ 1113 года, онъ сказалъ бы, что слышалъ отъ Гуряты *преже сихъ 22 или 23 лѣтъ;* и б) подъ 1072 годомъ Несторъ пишетъ: «перенесоша Бориса и Глѣба въ новую церковь, юже здѣла (деревянную) Изяславъ, яже *стоитъ и нынѣ*, и положиша въ раку каменну». Стало быть Несторъ писалъ это прежде нежели достроена была въ Вышгородѣ Ольгомъ Святославичемъ, каменная церковь во имя Бориса и Глѣба, начатая в. к. Святославомъ Ярославичемъ, въ которую перенесены мощи сихъ страстотерпцевъ 2 мая 1115 года (125).

3) Г. Кубаревъ полагаетъ рѣшительно, въ согласіи со многими другими писателями, что Несторъ кончилъ свою лѣтопись 1110 года, тамъ, гдѣ игуменъ Выдубичскаго монастыря Сильвестръ сдѣлалъ приписку на своемъ спискѣ временника *черноризца Печерскаго монастыря.* Но мы не отступимъ отъ давняго нашего мнѣнія, что Несторъ довелъ лѣтопись свою до 1113 года, до конца жизни Святополка-Михаила; и вотъ на чемъ утверждается наше убѣжденіе. Несторъ подъ 1110 годомъ пишетъ: «Бысть знаменіе въ Печерскомъ монастырѣ въ 11 день февраля мѣсяца (126), въ часъ нощи, явися столпъ огненъ отъ земли до небеси.... Сеже бяше не огненный столпъ, но видъ Ангельскъ.. Ли се явленье нѣкоторое показываше, ему же быти, *еже и бысть: на второе бо лѣто* (т. е. 1111 г.) не се ли Ангелъ вождь бысть на иноплеменники и супостаты?» Хотя далѣе, въ Лаврентьевскомъ спискѣ, описанъ подъ 1112 годомъ (за пропускомъ 1111), весьма коротко и не совсѣмъ точно, походъ русскихъ князей на половцевъ и побѣда, 24 марта, на рѣкѣ Салнѣ, но въ Ипатьевскомъ спискѣ и въ Новгородской лѣтописи этотъ самый походъ изло-

женъ подробнѣе и вѣрнѣе подъ 1111 годомъ, и побѣда 24 марта показана на потокѣ Дегеѣ, а 27 марта на рѣкѣ Салнѣ; притомъ, въ припамятованіе сказаннаго въ 1110 году, написано: се бо *яко же рекохомъ* (1110 г.) видѣнье видѣша въ Печерскомъ монастырѣ.... столпъ огненъ, и тогда се Ангелъ вложи Володимеру (Мономаху) въ сердце, нача понужати (къ походу на половцевъ в. к. Святополка и прочихъ князей), *яко же рекохомъ* [127].» Повторенныя слова *яко же рекохомъ*, относящіяся до видѣнія небеснаго столпа и до совѣщанія князей о походѣ на половцевъ, очевидно свидѣтельствуютъ, что ихъ произнесъ тотъ же человѣкъ, который писалъ въ 1110 году; иначе сказано бы было: *яко же рекоша*, или *яко же речено бысть*. Такъ Несторъ и подъ 1102 годомъ, говоря о знаменіяхъ, являвшихся февраля 5 въ лунѣ и 7 въ солнцѣ, что они бываютъ иногда на зло, иногда на добро, пишетъ: «на придущее лѣто (1103) вложи Богъ мысль добру въ русскіе князи, умыслиша дерзнути на половци, и поити въ землю ихъ, *еже и бысть, яко же скажемъ въ пришедшее лѣто*». И точно, подъ 1103 годомъ, Несторъ описалъ походъ россіянъ къ Сутеню, гдѣ они, 4 апрѣля, одержали надъ половцами знаменитую побѣду [128]. Слѣдовательно, если Несторъ за припискою сильвестровою (1110 г.) писалъ въ 1111 году, то, конечно, ему же принадлежатъ и извѣстія 1112 и 1113 годовъ, до смерти в. к. Святополка-Михаила, какъ самъ Несторъ заявилъ въ краткой своей предъувѣдомительной хронологической росписи [129]. Самое различіе слога въ спискѣ Ипатьевскомъ, съ 1114 года, весьма замѣтно оттѣняетъ образъ несторова расказа [130]. Продолжатель несторовъ пишетъ о египетскомъ царѣ Феостѣ, нареченномъ египтянами Сварогомъ за то, что узаконилъ каждому мужу имѣть одну жену; о сынѣ Феоста-Сварога Солнцѣ, «его же наричютъ Дажь-Богъ, бѣ бо мужъ силенъ»; у Нестора же о Сварогѣ не было рѣчи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ, въ лѣтописи своей, упоминалъ имена идоловъ славянъ россійскихъ [131]. Продолжатель самъ былъ въ томъ же 1114 году въ Ладогѣ, слышалъ тамъ, что есть люди старые, которые ходили на Югру и Самоядь, однако не припомнилъ извѣстія, расказаннаго Нестору, въ 1092 году новогородцемъ Гурятою Роговичемъ о Печерѣ, Югрѣ и Самояди [132].

4) Не находя ни приписки, ни послѣсловія несторова въ его лѣтописи, мы согласились бы съ г. Кубаревымъ, что это упущеніе произошло отъ внезапной кончины ея сочинителя, еслибъ хоть одинъ изъ продолжателей его сказалъ о себѣ, кто онъ таковъ, гдѣ началъ и гдѣ кончилъ; но, къ сожалѣнію, мы о томъ ничего не знаемъ. Въ хроникѣ Амартола также нѣтъ послѣсловія, и она, со смерти императора Михаила († 867 г.), продолже-

на и слита съ другими лѣтописями, до времени императоровъ Константина и Романа.

§ 8. *О Василіи, упоминаемомъ въ Несторовой лѣтописи.*

Повѣсть Василія, употребленнаго княземъ Давидомъ Игоревичемъ въ переговоры съ ослѣпленнымъ, 1097 года, княземъ Васильком Ростиславичемъ, по мнѣнію г. Кубарева (134), составляетъ вставку, внесенную въ Несторову лѣтопись самимъ Василіемъ, уже по кончинѣ Мономаха († 1125 г., т. е. чрезъ 25 лѣтъ послѣ событія); при жизни же Мономаха нельзя бы было лѣтописцу говорить, въ 1097 году, о семъ тогдашнемъ переяславскомъ удѣльномъ князѣ: «Владиміръ бо тако бяше любезнивъ. любовь имѣя къ митрополитомъ и епископомъ и игуменомъ, паче же и черническій чинъ любя; приходящая къ нему напиташе и напаяше, аки мати дѣти своя; аще кого видяшетъ шюмня, ли въ коемъ зазорѣ, не осудяше но вся на любовь преклада-ше (135)».

Какимъ образомъ Несторъ могъ включить василіеву повѣсть въ свой Временникъ, въ которомъ она читаема была Симономъ и Поликарпомъ (136), на это дано подробное объясненіе въ Оборонѣ лѣтописи несторовой (137). Расказъ василіевъ, объемлющій событія на Волыни 1097, 1098, 1099 и 1100 годовъ, читаемый въ Несторовомъ Временникѣ подъ однимъ 1097 годомъ, начинается не съ описанія ослѣпленія князя Василька въ Бѣлгородѣ, какъ казалось г. Кубареву и другимъ, а со словъ: «Василькови же сущю Володимери.... и мнѣ ту сущю.... присла по мя князь Давидъ... да се *Василю* шлю тя... къ Василькови тезу своему»; оканчивается же, сколько можно видѣть, словами: «а Святополкъ перея Володимеръ и посади въ немъ сына своего Ярослава (138)». Все, что предъ тѣмъ написано въ лѣтописи подъ 1097 годомъ, происходившее въ предѣлахъ кіевскихъ, принадлежитъ самому Нестору: какъ князья собрались въ Любечѣ на прекращеніе междоусобій и для устроенія мира; какъ князь Давидъ Игоревичъ, пріѣхавъ оттуда въ Кіевъ къ в. к. Святополку, оклеветалъ князя Василька, что онъ умышляетъ съ Мономахомъ на низверженіе Святополка; какъ князь Василько зазванъ былъ коварно къ Святополку и тамъ, въ горницѣ двора княжаго, окованъ цѣпями, перевезенъ въ Бѣлгородъ, ослѣпленъ, увлеченъ во Владиміръ Волынскій, принадлежащій кн. Давиду Игоревичу, и содержался тамъ подъ крѣпкою стражею; какъ пришедшіе въ ужасъ отъ злодѣйскаго поступка съ Васильком князья Владиміръ, Мономахъ, Давидъ и Олегъ Святославичи прибыли съ войсками своими къ Городцу и требовали отвѣта отъ в. к. Святополка; какъ они готовы уже были переправиться чрезъ Днѣпръ, дабы осадить Святополка въ Кіевѣ, и какъ посланные отъ кіе-

влянъ въ станъ Мономаха вдовствующая супруга в. к. Всеволода, мачиха мономахова и митрополитъ Николай убѣдили Мономаха къ примиренію съ Святополкомъ на условіи, чтобъ самъ шелъ для наказанія кн. Давида Игоревича, прямаго виновника ослѣпленія василькова: все это — повторимъ — описано самимъ Несторомъ, что̀ свидѣтельствуютъ собственныя слова его: «Въ лѣто 6606 (1098) приде Володимеръ и Давидъ и Олегъ на Святополка и сташа у Городца, и сотвориша миръ, *якоже въ прежнее лѣто* (1097) *сказахъ* (139)». Приписаніе похвалы Владиміру Мономаху при этомъ примиреніи съ Святополкомъ также принадлежитъ Нестору, и мы не можемъ угадать повода, приведшаго г. Кубарева къ мнѣнію, будто бы она съ василіевою повѣстью внесена въ лѣтопись уже по кончинѣ Мономаха. Не показались ли г. Кубареву въ этой похвалѣ глаголы *бяше, напишаше, напаяше* и проч. въ прошедшемъ времени? но они стоятъ въ преходящемъ, означающемъ дѣйствія еще совершаемыя, продолжаемыя (140). Или не принялъ ли онъ за несмѣстный поступокъ хвалить въ глаза здравствующаго князя? Но и кіевскій митрополитъ Никифоръ (1104 — 1121 г.), въ посланіи своемъ къ Мономаху, описалъ нравственныя качества сего кроткаго князя и исчислилъ тѣже добродѣтели его (141), какія приписалъ ему Несторъ и какія самъ Мономахъ внушалъ сыновьямъ своимъ въ Поученіи (142). Такъ и митрополитъ русскій Иларіонъ (съ 1051), въ словѣ «о законѣ Моисеемъ даннѣмъ», восхваляетъ в. к. Ярослава I при его жизни (143). Такъ одинъ изъ продолжателей Несторовой лѣтописи, подъ 1199 годомъ, славитъ княжившаго тогда въ Кіевѣ в. к. Рюрика Ростиславича. Такъ, подъ 1206 годомъ, читаемъ похвалу сыну в. к. Всеволода, Константину, при отправленіи его изъ Владиміра (Суздальскаго) на княженіе въ Новгородъ (144).

Теперь перейдемъ къ вопросамъ г. Казанскаго о Несторѣ лѣтописцѣ.

II.

РАЗБОРЪ СТАТЬИ Г-НА КАЗАНСКАГО: «ЕЩЕ ВОПРОСЪ О НЕСТОРѢ.»

§ 1. *Кто былъ лѣтописецъ русскій, Несторъ или нѣкто другой, неизвѣстный?*

Г. Казанскій объявляетъ, что Несторъ, въ концѣ отдѣльно написаннаго житія ѳеодосіева, говоритъ: «азъ грѣшный Нестеръ, *мній* всѣхъ въ монастырѣ преблаженнаго отца нашего Ѳе-

олосія (145); пріятъ же быхъ въ онь преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ, якоже отъ него постриженъ быхъ и мнишескія одежды сподобленъ, паки же и на діаконскій санъ отъ него возведенъ быхъ». Составитель же лѣтописи, расказавъ о началѣ Печерскаго монастыря и о введеніи въ немъ Студійскаго устава, прибавляетъ: «Ѳеодосію живущу въ монастыри, и принимающу всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ пріидохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя *лѣтъ ми сущу 17* отъ рожденія моего»; а начиная похвалу преподобному Ѳеодосію, по обрѣтеніи мощей его, составитель лѣтописи называетъ себя ученикомъ его: «азъ грѣшный твой рабъ и *ученикъ*»; Несторъ же, въ житіи ѳеодосіевомъ, не даетъ себѣ имени ѳеодосіева ученика.

Принявъ въ основу эти два сказанія, опираясь на слово *ученикъ*, и слѣдуя мнѣнію г. Кубарева, что имя несторово въ отдѣльныхъ повѣстяхъ о началѣ Печерскаго монастыря и о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей вставлено будто бы своевольно издателями Кассіановскаго патерика, г. Казанскій полагаетъ, что фраза: «къ нему же (Ѳеодосію) и азъ пріидохъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущу 17», вовсе нейдетъ къ Нестору, а только къ безъименному лѣтописцу.

Такъ какъ и *мній* и *семнадцатилѣтній* вступили въ Печерскую обитель при дѣйствіи въ ней Студійскаго устава, то нужно, хотя приблизительно, указать время пріобрѣтенія Ѳеодосіемъ сего монастырскаго закона. Въ несторовомъ описаніи житія ѳеодосіева сказано, что это послѣдовало по прибытіи изъ Константинополя въ Кіевъ съ митрополитомъ Георгіемъ инока Студійскаго монастыря Михаила. Георгій же хиротописанъ константинопольскимъ патріархомъ въ санъ митрополита кіевскаго, по хронологіи ученаго кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова, въ 1068, а по Палинодіи и Кіевскому каталогу въ томъ самомъ 1072 году, въ которомъ Георгій, мая 1, освятилъ въ Вышгородѣ новую церковь и 2 мая торжественно перенесъ въ нее мощи святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба (146). Но свидѣтельство Коссова болѣе правдоподобно, потому что у Нестора находимъ свѣдѣніе о пребываніи митрополита Георгія въ Кіевѣ раньше 1072 года. Въ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ Несторъ говоритъ, что в. к. Изяславъ, видя ветхость вышегородской деревянной церкви, созданной Ярославомъ I, повелѣлъ древодѣлямъ построить близъ старой новую и просилъ митрополита Георгія совершить молитву на назначенномъ для нея мѣстѣ (147). Древодѣли исполнили княжее приказаніе, и, конечно, не въ теченіи только марта и апрѣля, первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1072 года.

Итакъ, можно полагать, что Студійскій уставъ введенъ въ Печерскую обитель или въ 1069, или въ 1070 году.

Несторъ вступилъ въ Ѳеодосіевъ монастырь, повидимому, въ 1071 году. Въ церковныхъ заповѣдяхъ императора Юстиніана сказано: 1) «въ монашеское житіе приходящихъ.... Игуменомъ... неудобь вскорѣ постригати въ монашескій образъ, или аще свободны суть, или аще рабы, но вси *три лѣта* терпятъ въ монастыри, не сподобляшеся еще мнишескаго образа»; и 2) «Презвитеру менши возраста 30 лѣтъ быти не повелѣваемъ; діакону менши 25, и поддіакону менши 20, чтецу меньши 15 лѣтъ (148)». Согласно съ сими правилами существовало и въ Печерскомъ монастырѣ Ѳеодосіево установленіе, относящееся къ каждому новику: не торопиться постригать его, а велѣть ему ходить въ своей одеждѣ, пока навыкнетъ всему чину монастырскому; послѣ одѣвать его въ рясу, далѣе искушать его во всѣхъ службахъ, и тогда уже постригать его и облекать въ мантію (149). Въ 1072 году Несторъ не былъ еще инокомъ: описывая перенесеніе мощей Бориса и Глѣба, исполненное 2 мая того года, прибавляетъ: «Бѣже и черноризецъ множество собралось изъ монастырей, въ нихъ же Ѳеодосій, игуменъ печерскій, свѣтяся аки солнце посреди ихъ, украшенъ добрыми нравы (150).» Эти слова ведутъ къ мнѣнію, что Несторъ находился на семъ празднествѣ между народомъ въ своей одеждѣ, почему и не участвовалъ въ священнослуженіи, иначе не упустилъ бы сказать: «и мнѣ ту сущу», какъ дозволялъ говорить о себѣ въ другихъ случаяхъ, въ которыхъ былъ дѣйствующемъ лицемъ. Трехъ-годичный искусъ его кончился уже по смерти Ѳеодосія, послѣдовавшей 3 мая 1074 года. Преемникъ ѳеодосіевъ, игуменъ Стефанъ, постригъ Нестора, сопричислилъ къ инокамъ печерскимъ, сподобилъ монашеской одежды и возвелъ его на діаконскій санъ, до перехода своего, въ 1078 году, изъ Печерскаго въ Кловскій монастырь (151), когда Несторъ вступилъ на 25 лѣто своей жизни.

Безъименный лѣтописецъ, по словамъ г. Казанскаго, находился при Ѳеодосіи *ученикомъ* его не только съ семнадцатилѣтняго возраста, при управленіи Печерскаго монастыря по Студійскому уставу, но и гораздо раньше, ибо сей лѣтописецъ, разсказывая, подъ 1064 годомъ, о дѣтищѣ уродѣ, ввергенномъ въ рѣку Сѣтомль и выволоченномъ рыбаками въ неводѣ, прибавляетъ: «его же *вси* позоровахомъ до вечера (152).» Подъ прилагательнымъ *вси* г. Казанскій представляетъ себѣ всѣхъ иноковъ печерскихъ; но этого *вси* нѣтъ ни въ какомъ лѣтописномъ спискѣ; а если бы слово сіе гдѣ либо и нашлось, то оно относилось бы, конечно, до толпы людей, стекшихся смотрѣть на вытащенное изъ воды диво.

Подобно Нестору, безъименный лѣтописецъ долженъ былъ пройти весь путь монастырскаго искуса; мы, однако, ничего о томъ не знаемъ. На заглавіяхъ древнихъ лѣтописныхъ списковъ читаемъ: на однихъ имя мниха Нестора, на другихъ черноризца Ѳеодосіева Печерскаго монастыря; но въ самомъ текстѣ Временника имени сочинителя не встрѣчаемъ; указываетъ же онъ самъ на себя въ лѣтописи мѣстоименіями *азъ* и *ми*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ отдѣльныхъ повѣстяхъ о зачалѣ Печерскаго монастыря, о житіи Ѳеодосіевомъ и объ открытіи и перенесеніи Ѳеодосіевыхъ мощей изъ пещеры въ церковь, къ слову *азъ* прибавлено *Несторъ* (155), какъ мы писали выше, въ разборѣ сочиненій г. Кубарева (§ 2).

Слово *ученикъ*, усвоенное г. Казанскимъ исключительно одному своему безъименному лѣтописцу, взято изъ лѣтописной повѣсти о перенесеніи Ѳеодосіевыхъ мощей. Тамъ сказано: «азъ же грѣшный твой рабъ и *ученикъ* недоумѣю, чимъ похвалити добраго твоего житія и воздержанія»; но г. Казанскому не слѣдовало бы скрыть словъ предъ тѣмъ стоящихъ: «Ѳеодосій и по отшествіи своемъ отъ сея жизни, молится за люди вѣрныя и за свои *ученики*, иже взирающе на честную его раку, и поминающе *ученіе* его и воздержаніе, прославляютъ Бога (156)». Не слѣдовало бы также умолчать о несторовыхъ словахъ, написанныхъ въ полномъ житіи Ѳеодосія, что сей преподобный «наставлялъ *учениковъ* своихъ на исполненіе поклоновъ.... Таковому смиренію Ѳеодосій *учениковъ* своихъ учаше.... Тѣмъ же и мы, братія, потщимся ревнители и подражатели житью преподобнаго Ѳеодосія быти и *ученикомъ* его (157). Ясно, что безъименный лѣтописецъ г. Казанскаго, если бы онъ и существовалъ на свѣтѣ, былъ такой же *ученикъ* Ѳеодосіевъ, т. е. исполнитель, послѣдователь его наставленій, какъ Несторъ, какъ всѣ прочіе тогдашніе иноки Ѳеодосіевой обители, число которыхъ еще до 1073 года, до положенія основы подъ каменную сего монастыря Успенскую церковь, простиралось свыше ста (158).

§ 2. *Зналъ ли Несторъ Ѳеодосія лично?*

Утверждая, что Несторъ, какъ принятый въ Печерскій монастырь игуменомъ Стефаномъ, не былъ самовидецъ Ѳеодосія и писалъ о немъ только то, что̀ слышалъ отъ его современниковъ, г. Казанскій хочетъ увѣрить насъ, что безъименный лѣтописецъ, находившись подъ руководствомъ Ѳеодосія съ своей юности, зналъ житіе его, написанное Несторомъ, но, не желая повторять того, что̀ тамъ разсказано, старался исправить ошибочныя его извѣстія и дополнить опущенное имъ, ибо, бывъ *ученикомъ* Ѳеодосія, гораздо отчетливѣе и опредѣлительнѣе описываетъ его въ лѣтописи, какъ своего учителя, и какъ бы про-

тивопоставляетъ свое свидѣтельство, *во многомъ несогласное* съ свидѣтельствомъ Нестора. Въ доказательство того, г. Казанскій предложилъ для сличенія: а) выписку изъ лѣтописнаго сказанія о зачалѣ Печерскаго монастыря, со словъ: «и увѣданъ бысть всѣми великій Антоній и чтимъ», до словъ: «приде игуменъ и братія къ Антонію, и рекоша ему: Отче! умножися братія и не можемъ ся вмѣстити въ Печеру; дабы Богъ повелѣлъ и твоя молитва, да быхомъ поставили церковцю внѣ печеры, и повелѣ имъ Антоній (157)»; и б) слова несторовы въ житіи Ѳеодосія: «Бѣху же братіи совокупилось до пятинадесяти. Преподобный же Антоній, яко же бѣ навыклъ единъ жити, и не терпя всякаго мятежа и молвы, затворись въ едину келію печеры, поставивъ братіи въ себе мѣсто блаженнаго Варлама, сына боярина Ивана. Оттуда паки переселися на инъ холмъ Антоній, и ископавъ печеру, живяше въ ней, и неизлазя изъ нея, и дѣже нынѣ честное тѣло его лежитъ. Тогда же блаженный Варламъ постави надъ печерою малу церковь во имя Святая Богородица. То уже оттолѣ *явлено* бысть мѣсто то, бѣ бо мнози преже не вѣдали».

Къ сожалѣнію, г. Казанскій не далъ намъ знать, откуда онъ извлекъ эту, вторую, объ Антоніи выписку, которая заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ вѣрное сокращеніе разсказа, содержащагося въ лѣтописи и въ древнихъ патерикахъ и принадлежащаго не къ житію Ѳеодосія, какъ г. Казанскому показалось, а къ статьѣ о зачалѣ Печерскаго монастыря. Эта самая статья, въ первомъ вопросѣ г. Казанскаго о Несторѣ, вовсе не шла къ Нестору, а къ безъименному лѣтописцу, такъ какъ онъ говоритъ въ ней о себѣ, что пришелъ къ Ѳеодосію въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ; но въ дополнительномъ о Несторѣ вопросѣ, который показанъ нами далѣе (§ 4), г. Казанскій ту статью возвращаетъ уже Нестору, съ оговоркою, что безъименный лѣтописецъ поправилъ ее по своимъ свѣдѣніямъ и по своему взгляду на вещи. Сталобыть онъ изъ сей статьи ложно обратилъ на свое лицо и *азъ* несторовъ и его *семнадцатилѣтній* возрастъ.

Мудрено повѣрить, чтобъ Несторъ никогда не зналъ въ лицо Ѳеодосія. Еще до вступленія своего въ Печерскій монастырь, Несторъ, предавшійся благочестію съ своей юности, могъ посѣщать храмъ Печерской обители во время богослуженія, устроенный на открытомъ мѣстѣ съ 1062 года; а въ 1072 г. онъ съ благоговѣніемъ взиралъ на Ѳеодосія при торжественномъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба (158).

Мнѣніе г. Казанскаго, что Ѳеодосій описанъ въ лѣтописи гораздо отчетливѣе и опредѣлительнѣе, нежели въ особомъ житіи, ведетъ къ подозрѣнію, что г. Казанскій имѣлъ подъ руками

своими какую либо краткую выписку изъ сего житія, подобную показанной выше объ Антоніи, а не читалъ полнаго въ древнихъ рукописныхъ патерикахъ печерскихъ, и не сличалъ его съ лѣтописью, въ которой едва ли есть третья доля тѣхъ свѣдѣній о Ѳеодосіи, какія изложены Несторомъ въ его житіи. Извѣстно ли намъ изъ лѣтописи, что происходило съ Ѳеодосіемъ отъ дѣтства до избранія его въ игумены? Знаемъ ли мы изъ нея о гнѣвѣ великаго князя Изяслава на Антонія и Никона за постриженіе въ иноки Варлама и Ефрема? Говорится ли въ ней объ отшествіи Никона въ Тмуторакань, о посвященіи Ѳеодосія въ презвитеры и объ укоризнахъ, какія Ѳеодосій дѣлалъ великому князю Святославу за изгнаніе изъ Кіева старѣйшаго брата Изяслава? и проч.

Несторъ объявляетъ, что для жизнеописанія ѳеодосіева, «дабы все поряду описати», онъ обращался съ вопросами къ старѣйшимъ инокамъ печерскимъ, современникамъ ѳеодосіевымъ, и между ними именуетъ Ѳеодора и Иларіона. Ѳеодору, бывшему келаремъ при ѳеодосіевомъ игуменствѣ, разсказывала всѣ дѣянія ѳеодосіевы, отъ юности до прибытія въ Антоніеву пещеру (1009—1032 г.), мать ѳеодосіева, и Несторъ все то и многое другое отъ Ѳеодора слышалъ и записалъ. Иларіонъ, искусный въ перепискѣ книгъ, занимавшійся этимъ дѣломъ во всѣ дни и ночи въ келліи Ѳеодосія, сообщилъ о немъ Нестору много свѣдѣній. Такимъ образомъ Несторъ, въ подтвержденіе вѣрности разсказа своего о Ѳеодосіи, указалъ собратіямъ своимъ на свидѣтелей надежныхъ, самимъ имъ извѣстныхъ. Ему и на умъ не приходило, чтобъ былъ тогда въ Печерскомъ монастырѣ инокъ, присный *ученикъ* ѳеодосіевъ, который составляетъ лѣтопись русскую и вводитъ въ нее происшествія жизни своего наставника; иначе Несторъ не оставилъ бы воспользоваться его поясненіями; еще менѣе извѣстно было Нестору, чтобы этотъ инокъ читалъ сочиненное имъ, Несторомъ, жизнеописаніе ѳеодосіево, нашелъ въ немъ недостатки и оные поправилъ, и опущенное пополнилъ; а потому Несторъ и сказалъ: «Се бо испѣрва ми исписавшю о житіи и убіеніи и о чюдесѣхъ святыхъ и блаженныхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба.... азъ грѣшный Нестеръ.... понудихся и на второе исповѣданіе пріити.... начатокъ слову списанія положихъ, еже о житіи преподобнаго отца нашего Ѳеодосія... *не суща списану ни отъ кого же* (139).» Еслибъ подлинно существовалъ у насъ тогда безъименный лѣтописецъ г. Казанскаго, то онъ, для разувѣренія собратій своихъ, печерянъ, противъ свидѣтельствъ Ѳеодора, Иларіона и другихъ современниковъ ѳеодосіевыхъ, и на слова несторовы: «не суща списану ни отъ кого же», могъ бы въ пристойномъ

мѣстѣ заявить, что знаетъ все точнѣе, находившись съ дѣтства своего (1064 г.) при Ѳеодосіи, и намекнуть о невѣрностяхъ въ несторовомъ сочиненіи, хотя бы такимъ скромнымъ образомъ, какъ поступилъ Несторъ, который, сказавъ, что Владиміръ крестился въ Херсонѣ, прибавилъ: «Се же, не вѣдущіе право, глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ, а иніи же рѣша Василевѣ, друзіи же инако скажютъ», или какъ одинъ изъ продолжателей несторовыхъ пополнилъ въ лѣтописи, подъ 1128 годомъ, несторово извѣстіе о владиміровой супругѣ Рогнѣдѣ, со словъ *вѣдущихъ* людей (160). Напротивъ, мы видимъ въ лѣтописи лишь повторенія несторовыхъ рѣчей изъ житія Ѳеодосіева и изъ другихъ отдѣльныхъ несторовыхъ статей, во многихъ случаяхъ слово въ слово, въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, иногда только съ сокращеніемъ разсказа, иногда съ выпускомъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, для исторіи неважныхъ (161).

§ 3. *О разногласіяхъ лѣтописныхъ сказаній о Ѳеодосіи съ его жизнеописаніемъ.*

Г. Казанскій по этому предмету, главному въ вопросѣ его о Несторѣ, пишетъ:

а) «У Нестора сказано, что *мѣсто* подвиговъ *Антонія увѣдано было всѣми* тогда уже, когда, при игуменствѣ Варламовѣ, поставлена была надъ пещерою малая церковь; а безъизвѣстный лѣтописецъ говоритъ, что *увѣданъ былъ всѣми Антоній* и прославленъ въ русской землѣ во время Изяслава, послѣ прихода къ нему сего великаго князя съ дружиною своею для благословенія и молитвы».

Тутъ г. Казанскій свелъ въ одно мѣсто два событія, случившіяся въ разное время. О посѣщеніи Антонія Изяславомъ сказано въ лѣтописи, въ словѣ о зачалѣ Печерскаго монастыря, а не въ житіи Ѳеодосія, что Антоній прославленъ уже былъ въ русской землѣ, когда Изяславъ, прибывъ изъ Новагорода въ Кіевъ, по кончинѣ Ярослава I, послѣдовавшей 29 февраля 1054 года, и вступивъ на великокняжескій престолъ, получилъ свѣдѣніе о житіи Антонія и приходилъ къ нему съ дружиною, въ 1055 г., для благословенія и молитвы, — что послѣ того Антоній *увѣданъ* былъ *всѣми* и честимъ, и что начали приходить къ нему братія, которыхъ онъ принималъ и постригалъ (162). Слѣдовательно, Антоній и до изяславова посѣщенія былъ извѣстенъ въ русской странѣ; да и убѣжище его не было никогда таинственнымъ: въ лѣтописи, равно и въ отдѣльной повѣсти о зачалѣ Печерскаго монастыря, читаемъ, что добрые люди приходили къ Антонію еще въ то время, какъ онъ одинъ жилъ въ пещерѣ, и приносили ему «еже на потребу». Ѳеодосій нашелъ его

пещеру въ 1032 году; матери Ѳеодосіевой она показана была посторонними людьми (около 1036 г.); Антоній увѣдомилъ княгиню (супругу Ярослава I) о желаніи матери Ѳеодосіевой постричься въ женскомъ монастырѣ, и ходатайство антоніево уважено и исполнено (163). Ясно, что Антоній знаемъ былъ уже издавна, въ княженіе Ярослава. Впрочемъ, иноки печерскіе не чуждались міра: подвизаясь съ Антоніемъ въ пещерѣ, они, во время свободное отъ молитвы, занимались рукодѣліями и произведенія работы своей носили въ городъ на продажу, а на вырученныя деньги покупали жито себѣ на пищу (164).

О сооруженіи игуменомъ Варламомъ надъ пещерою малой деревянной церкви, во имя Успенія Пресвятой Богородицы, въ 1057 году, когда въ пещерной церкви иноки не могли уже вмѣщаться во время выхода для соборнаго пѣнія, у Нестора сказано, согласно съ выпискою, предложенною выше г. Казанскимъ (§ 2): «и оттолѣ всѣмъ *явлено* (а не *увѣдано*) бысть мѣсто тое, бѣ бо мнози преже не вѣдали (165)». Это значитъ, что дотолѣ не всякъ легко могъ находить въ горѣ, покрытой дремучимъ лѣсомъ, убѣжище отшельниковъ печерскихъ; зданіе же церковное указывало собою входъ въ пещеру, въ которой тогда иноки все еще продолжали имѣть свое пребываніе. Объ Антоніи, въ приведенномъ г. Казанскимъ текстѣ, вовсе нѣтъ рѣчи, и онъ въ то время уединялся уже въ новой пещерѣ, ископанной имъ на другомъ холму.

б) «Въ словахъ лѣтописи (въ сказаніи о началѣ Печерскаго монастыря): *о Ѳеодосіеви житіи паки скажемъ*, тогда бы только мы имѣли право видѣть указаніе Несторово изъ написаннаго имъ особо житія Ѳеодосіева, еслибъ онъ не обращался опять къ Ѳеодосію; но чрезъ нѣсколько строкъ мы встрѣчаемъ (въ лѣтописи) опять разсказъ о житіи Ѳеодосіевомъ».

По содержанію этого замѣчанія дано уже нами объясненіе въ разборѣ сочиненій г. Кубарева (§ 3). Тамъ написано, что лѣтописецъ, послѣ словъ *паки скажемъ*, не повторяетъ того, что подъ 1051 годомъ говорилъ онъ о избраніи Ѳеодосія въ игумены, о построеніи Печерскаго монастыря, о введеніи въ эту обитель Студійскаго устава и проч., но упоминаетъ далѣе о Ѳеодосіи подъ 1072 и 1073 годами, и пишетъ потомъ, въ 1074 году о кончинѣ его, въ 1091 о перенесеніи его мощей изъ пещеры въ церковь, и наконецъ, въ 1108 году, о вписаніи имени Ѳеодосіева въ Синодикъ (166)—все то, чего нѣтъ въ особомъ Ѳеодосіевомъ житіи.

в) «Въ житіи Ѳеодосіевомъ Несторъ говоритъ, что Ѳеодосій обрѣте мѣсто чисто не далече отъ печеры суще, довольну на возграждение монастыря, возгради церковь на мѣстѣ томъ Св.

Богородицы, оградилъ и келліи поставилъ, и самъ переселился туда отъ печеры въ лѣто 6570 [1062 ([167])]; въ лѣтописи же сказано, что Печерскій монастырь совершенъ игуменство держащу Варламови».

Тутъ точно есть разнорѣчіе; но сказанное въ отдѣльномъ житіи Ѳеодосія ближе къ правдѣ, какъ оно принято въ Кіевскій синопсисъ и въ печатный патерикъ ([168]), безъ сомнѣнія, по исправнѣйшимъ онаго спискамъ. При игуменствѣ Варлама построена, въ 1057 году, только малая церковь (церковьця) надъ пещерою, когда иноковъ, помѣщавшихся въ пещерѣ, было не болѣе 20 ([169]). Между тѣмъ великій князь Изяславъ-Димитрій еще въ 1055 году ([170]) началъ сооружать въ Кіевѣ для монастыря каменную церковь, во имя тезоименита своего священномученика Димитрія, и вывелъ туда на игуменство Варлама. Мѣсто варламово заступилъ въ пещерѣ, по избранію Антонія, презвитеръ Ѳеодосій ([171]), который, видя, что число братій со дня на день увеличивается, и въ пещерѣ становится тѣсно, испросивъ благословеніе Антонія, приступилъ, въ 1058 или въ 1059 году, къ построенію монастыря съ пространною деревянною церковью и со многими келліями на отданной великимъ княземъ Изяславомъ, по ходатайству Антонія, всей надпещерной горѣ, на мѣстѣ, которое въ несторово время называлось ветхимъ монастыремъ Печерскимъ, и сюда, въ 1062 году, со всею братіею переселился ([172]). Самое время этого построенія показываетъ, что Варламъ не принималъ въ немъ участія, перейдя ранѣе въ Дмитріевскій монастырь ([173]); а потому Несторъ и его продолжатели называли Печерскую обитель иногда просто Ѳеодосіевою, иногда лаврою или монастыремъ преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія ([174]); варламово же имя никогда къ создателямъ сей обители не было сопричисляемо, хотя онъ, игуменствуя въ Димитріевскомъ монастырѣ, не переставалъ усердствовать къ Печерскому своими приношеніями на украшеніе и потребу, и разставаясь съ жизнію завѣщалъ погребсти себя въ пещерѣ. Можно думать, что переписчики лѣтописи, назвавъ неправильно *монастыремъ* одну малую церковь (церковцю) безъ келлій, поставленную Варламомъ надъ пещерою въ 1057 году, приняли за одно и тотъ монастырь, сооруженіе котораго Ѳеодосіемъ окончено въ 1062 году.

г) «Въ житіи Ѳеодосія сказано, что сей игуменъ, по устроеніи Печерскаго монастыря, видя, что въ немъ число иноковъ возросло уже до ста, искалъ правила монастырскаго, и получивъ свѣдѣніе о уставѣ Студійскомъ отъ инока Студійской обители Михаила, прибывшаго въ Кіевъ съ митрополитомъ Георгіемъ, поручилъ Ефрему евнуху, иноку печерскому, посѣщав-

шему святыя мѣста, и находившемуся тогда въ Константинополѣ, списать и къ нему доставить весь уставъ Студійскаго монастыря. Ефремъ исполнилъ это дѣло, и Ѳеодосій повелѣлъ прочесть уставъ предъ братіею, и началъ съ того времени *вся строити по уставу Студійскаго монастыря* (176). Въ лѣтописи же (въ словѣ о зачалѣ Печерскаго монастыря) сказано: «Ѳеодосій нача искати правила чернѣческаго, и обрѣтеся тогда Михаилъ чернецъ монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ, и нача у него искати устава чернецъ студійскихъ, и обрѣте и списа, и устави въ монастырѣ своемъ (177)».

Г. Казанскій вѣритъ болѣе своему безъименному сочинителю лѣтописи, держась постоянно мысли, что это былъ присный ученикъ Ѳеодосіевъ; намъ же представляется тутъ только неточное сокращеніе въ лѣтописи, переписчиками ея, несторова разсказа. По буквальному смыслу словъ лѣтописи можно бы подумать, что инокъ Михаилъ самъ не зналъ, есть ли у него списокъ Студійскаго устава, но что Ѳеодосій, пересматривая книги его и бумаги, нашелъ этотъ уставъ и списалъ (178). Еслибъ поискъ сей произведенъ былъ точно такимъ образомъ, могъ ли бы Ѳеодосій и тогда надежно положиться на вѣрность рукописи, полученной изъ частныхъ рукъ, для введенія въ обитель свою толико важнаго постановленія, составляющаго законъ общежительнаго монастыря? Безъ сомнѣнія, Ѳеодосій получилъ отъ инока Михаила только свѣдѣніе о существованіи и содержаніи Студійскаго устава, и, признавъ оный удобнымъ для обители Печерской, далъ порученіе Ефрему увѣдать, въ самомъ Студійскомъ общежительномъ монастырѣ св. Ѳеодора, «извѣстнѣе вся строенія онаго, и весь уставъ тамо сущій подробну списать и принести къ нему Ѳеодосію», т. е. наглядно замѣтить и записать, какъ на самомъ дѣлѣ исполняется уставъ Студійскій по содержашимся въ немъ правиламъ, которыми опредѣлены: 1) образъ монашескаго пѣнія, 2) поклоны, 3) чтенія, 4) стояніе въ церкви и весь порядокъ церковный, 5) сидѣніе за трапезою и 6) пища на всѣ дни года. Такъ сказано въ житіи Ѳеодосія по древнимъ рукописнымъ спискамъ Печерскаго патерика, и того требовала въ подобномъ дѣлѣ благоразумная осмотрительность.

и д) «Несторъ пишетъ, что братія избрали въ игумены Стефана Демественника церковнаго, потому что онъ сущъ тогда ученикъ Ѳеодосія, взросъ подъ его рукою, и у него послужилъ; а лѣтописецъ говоритъ, что Ѳеодосій предполагалъ назначить въ игумены по себѣ Іакова, постриженника не Печерскаго монастыря, но послушавъ братію, утвердилъ на игуменствѣ Стефана».

Тутъ мы не видимъ противорѣчія, а лишь исключеніе такого обстоятельства, которое сомнительно само по себѣ. Въ лѣтописи сказано, [180]) что болѣзнующій Ѳеодосій, чувствуя приближеніе кончины, спрашивалъ братію, кого хотятъ имѣть по немъ игуменомъ, и получилъ отвѣтъ, что назначеніе его отдаютъ на его изволеніе. Но Ѳеодосій никого не наименовалъ, а велѣлъ братіи поудалиться въ сторону и паречь кого имъ угодно изъ старѣйшихъ и меньшихъ, кромѣ Николая и Игната. Братія, поговоря между собой, опять предоставили избраніе Ѳеодосію; тогда-то уже онъ наименовалъ было имъ въ игумены презвитера Іакова; но братія на то не согласились; они обратили выборъ свой на Стефана, и Ѳеодосій его утвердилъ. Спрашивается: что же удерживало Ѳеодосія объявить братіи объ Іаковѣ при первомъ отвѣтѣ ихъ на ѳеодосіевъ вопросъ? Неужели онъ надѣялся, что они сами проникнутъ его мысль и укажутъ на Іакова? Безъ сомнѣнія, тутъ кроется такая же подозрительная вставка, какую мы замѣтили объ инокахъ Николаѣ и Игнатѣ, въ разборѣ сочиненій г. Кубарева (§ 2). Когда печерскій игуменъ Варламъ взятъ былъ в. к. Изяславомъ въ Димитріевъ монастырь, и иноки печерскіе просили Антонія поставить имъ игумена, онъ на вопросъ свой: кого хотятъ? услышавъ отвѣтъ: «кого хощетъ Богъ и ты», самъ предложилъ имъ Ѳеодосія безусловно ([181]).

Вотъ всѣ тѣ предметы, числомъ *пять*, въ которыхъ г. Казанскій открылъ несогласія между лѣтописью и несторовыми отдѣльными повѣстями о зачалѣ Печерскаго монастыря и о житіи Ѳеодосія, и назвалъ эти разнорѣчія *многими* и *важными*, сознаваясь, однако, что сущность дѣла остается въ нихъ одна и та же. Но въ чемъ именно безъизвѣстный лѣтописецъ исправилъ несторовы ошибки, чѣмъ дополнилъ его опущенія и какія представилъ свѣдѣнія о Ѳеодосіи болѣе отчетливыя и болѣе опредѣленныя, нежели изложенныя Несторомъ въ отдѣльно написанномъ ѳеодосіевомъ житіи, объ этомъ г. Казанскій умолчалъ.

§ 4. *Не были ли у насъ два Нестора: одинъ — писатель лѣтописи, другой житій святыхъ?*

Въ дополненіи къ первому вопросу о Несторѣ, напечатанномъ послѣ, мѣсяца чрезъ три ([182]), г. Казанскій пишетъ, что «если мы и примемъ свидѣтельство Патерика о Несторѣ за авторитетъ непреложный, то и тогда оно рѣшитъ вопросъ только о *имени* а не о *лицѣ*; *можетъ быть* Несторъ же писалъ и лѣтопись, но не тотъ, который писалъ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, житіе Ѳеодосіево, отдѣльную записку о зачалѣ Печерскаго монастыря и о знаменитыхъ подвижникахъ тамо бывшихъ, такія сочиненія, по которымъ Поликарпъ имѣлъ поводъ назвать его лѣтописцемъ;

одинъ же сочинитель не могъ написать *столь несогласныхъ* между собою сказаній. Да и ту ли лѣтопись Поликарпъ приписываетъ Нестору, какую мы ему приписываемъ? *Можетъ быть* она та лѣтопись, которую Симонъ называетъ старымъ лѣтописцемъ Ростовскимъ, и которая содержала извѣстія объ основаніи епархій въ разныхъ мѣстахъ русской земли».

Эти гаданія вызываютъ насъ къ слѣдующимъ вопросамъ и объясненіямъ:

1) Если Поликарпъ, въ житіяхъ Никиты и Агапита, зоветъ Нестора лѣтописцемъ русскимъ, а въ посланіи къ Акиндину говоритъ, что Несторъ же описывалъ и житія первыхъ подвижниковъ печерскихъ, то неужели тутъ должно разумѣть не одного и того же блаженнаго Нестора, а двоихъ? и неужели бы Поликарпъ былъ такъ неосмотрителенъ, что, знавши и лѣтописца и списателя житій праведниковъ печерскихъ, забылъ обозначить другаго Нестора свойственнымъ ему нарицательнымъ именемъ, какъ изъ двоихъ Никоновъ одинъ звался многоболѣзненнымъ, другой постникомъ; изъ двоихъ Никоновъ одинъ отличался титломъ игумена, другой названіемъ сухаго, и пр.? ([185]) Есть, правда, въ Кіевскихъ пещерахъ мощи и другаго преподобнаго Нестора, но г. Казанскій, безъ сомнѣнія, не приметъ его въ свои лѣтописцы, потому что онъ былъ *не книжный* ([184]) и, вѣроятно, съ грамотностію незнакомъ.

2) Могли ли отдѣльныя статьи несторовы о житіи Ѳеодосія, о началѣ Печерскаго монастыря и о первыхъ подвижникахъ печерскихъ названы быть, сами по себѣ, лѣтописью, когда въ нихъ нѣтъ указаній хронологическихъ, какія во Временникѣ несторовомъ ведены по порядку съ года на годъ? О томъ же, что Несторъ сочинилъ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, ни Симонъ, ни Поликарпъ нигдѣ не упоминаютъ.

3) Такъ какъ г. Казанскій, въ дополнительномъ вопросѣ, въ противорѣчіе первому своему вопросу, замѣченное нами выше (§ 2), возвращаетъ нашему Нестору по принадлежности сказаніе о началѣ Печерской обители, а въ этомъ сказаніи нашъ Несторъ говоритъ о себѣ, что пришелъ къ Ѳеодосію въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, — то какой же остается слѣдъ г. Казанскому искать или другого Нестора, или безъизвѣстнаго лѣтописца въ мнимомъ ѳеодосіевомъ ученикѣ?

4) Имѣютъ ли особенную важность разнословія лѣтописи съ отдѣльными статьями несторовыми, въ предметахъ, относящихся собственно до обители Печерской, объ этомъ достаточно писано выше (§ 3).

и 5) Еще Карамзинъ полагалъ, что епископъ Симонъ называетъ старою Ростовскою лѣтописью ту же Несторову, перепи-

санную въ Ростовѣ (185); но мы въ этомъ весьма сомнѣваемся. Такъ какъ Симонъ говоритъ, что въ Ростовской лѣтописи поименовано тридцать иноковъ печерскихъ, достигшихъ степени архіерейства, и что до возведенія его самого во епископа (1214г.), число такихъ печерянъ превышало даже 50 (186), то старая Ростовская лѣтопись и не можетъ замѣнять собою Временника Нестора и продолжателей его до 1215 года, потому что Несторъ въ лѣтописи называетъ печерянами только четырехъ епископовъ: Ефрема переяславскаго, Исаію ростовскаго, Стефана владимірскаго и Ѳеоктиста черниговскаго (187); изъ прочихъ одиннадцати печерянъ, поименованныхъ Симономъ въ посланіи къ Поликарпу, и изъ всѣхъ прочихъ, по счету Симонову, свыше 50-ти, ни одинъ не названъ въ лѣтописи печерянином, ни у Нестора, ни у его продолжателей; да и вообще число всѣхъ безъ различія епископовъ русскихъ, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ нашихъ, со времени принятія вѣры христіянской до 1215 года, едва ли переходитъ за цыфру 60. Старая Ростовская лѣтопись составляла, по видимому, особое сочиненіе, написанное въ Ростовѣ, подобное краткому лѣтописцу новогородскихъ владыкъ (188), и содержала, вѣроятно, свѣдѣнія: кто какого монастыря инокъ или игуменъ, въ которомъ году и куда посвященъ во епископа. А что Симонъ и Поликарпъ, въ сказаніи о созданіи церкви печерской, и въ описаніи житій святыхъ: Никиты затворника, Григорія чудотворца, Моисея угрина, Прохора чудотворца и Ѳеодора и Василія, касаясь историческихъ происшествій, пользовались Временникомъ Нестора, въ этомъ легко можно убѣдиться чрезъ сличеніе съ сею лѣтописью ихъ сочиненій (189).

§ 5. *Заключеніе.*

Обозрѣвъ въ подробности вопросы г. Казанскаго о Несторѣ, можемъ сказать положительно, что предлагатель ихъ не достигъ цѣли своей въ попыткѣ отнять у нашего Нестора славу лѣтописца русскаго и передать ее своему безъименному мнимо-присному ѳеодосіеву ученику. Нѣкоторыя несходства Временника съ отдѣльными, болѣе удовлетворительными сказаніями, относящимися собственно до Печерскаго монастыря, не могутъ дать права на подобное посягательство. Такія разнорѣчія, произшедшія отъ вины переписщиковъ, встрѣчаются и по многимъ историческимъ событіямъ, въ старѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ, сличенныхъ между собой, Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ или Кіевскомъ, Хлѣбниковскомъ, Радзивиловскомъ и Троицкомъ, какъ это видно изъ подстрочныхъ выносокъ въ первомъ томѣ полнаго собранія русскихъ лѣтописей; но тѣмъ не менѣе сущность всѣхъ основныхъ извѣстій до 1113 года

сохранилась въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена несторовымъ перомъ.

Итакъ, изъявленныя г. Казанскимъ сомнѣнія и гаданія нисколько не колеблятъ увѣренности нашей, наслѣдованной нами отъ предковъ съ XII вѣка, что юноша, назвавшій себя въ житіи Ѳеодосія *мній* всѣхъ въ монастырѣ этого праведника, а въ словѣ о зачалѣ Печерской обители приписавшій себѣ *семнадцатилѣтній* возрастъ, есть одинъ и тотъ же Несторъ, котораго имя является на заглавіи нѣкоторыхъ древнихъ списковъ Временника, тотъ Несторъ, который въ текстѣ лѣтописи означаетъ личность свою мѣстоименіями *азъ*, *ми*, *намъ*, а въ отдѣльныхъ повѣстяхъ, изложенныхъ для чтенія собратій его, присовокупляетъ къ тому же *азу* свое имя *Несторъ*, — который, по свидѣтельству инока Поликарпа, писавшаго со словъ наставника своего епископа Симона († 1226 г.), былъ лѣтописецъ русскій и списатель житій первыхъ подвижниковъ печерскихъ, — котораго церковь наша сопричислила къ лику праведниковъ, совершая память о немъ 27 октября, и котораго мощи покоятся въ Кіевскихъ пещерахъ, съ начертанными на надгробіи его словами: «Преподобный Несторъ, лѣтописецъ русскій.» (190)

П. Б.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Послѣдованіе о Патерикѣ напечатано въ Чтеніяхъ въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1847 г. № 9; а о Несторѣ въ Русскомъ Историч. Сборн. издан. отъ того же Общества, 1842 года, т. IV., кн. 4.

(2) Указываемъ на рукописные патерики графа Толстова и графа Румянцова. Первый находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, другой въ Библіотекѣ Румянцовскаго Музея; оба писаны въ XVI вѣкѣ съ Патерика 1460 года.

(3) Антоній скончался 1073 г. въ 90-лѣтнемъ возрастѣ, слѣдовательно родился въ 983 году.

(4) Теперь получило огласку извѣстіе, что преподобный Антоній принялъ иноческій санъ въ аѳонскомъ Есфигменскомъ монастырѣ, сообщенное архимандритомъ сей обители Агафангеломъ, собирающимъ для нея милостыню въ Россіи (Творенія Св. Отцевъ, изд. при Москов. Духов. Акад. 1849 г., кн. 4, стр. 659 — 661, 661, 664, 668, и С. Петербург. вѣдом. 1850 г. № 107).

(5) Митрополитъ кіевскій Иларіонъ (съ 1051 г.) говоритъ, что вслѣдъ за прекращеніемъ народа въ Руси «монастыреве на горахъ сташа, черноризцы явишася» (Памятники духовной литературы временъ великаго князя Ярослава I, стр. 40).

(6) Берестово село стояло въ нынѣшнихъ предѣлахъ Кіева. Въ Варяжской пещерѣ жили потомъ современные Нестору преподобные печерскіе Ѳеоторъ и Василій (Патер. печ. л. 153, издан. 1847 г.). Кубаревъ (о Несторѣ, стр. 403) не зналъ ея мѣстности, а она показана на планѣ дальнихъ Кіевскихъ пещеръ, составленномъ въ 1638 г. кіево-печерскимъ монахомъ Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ (Опис. Кіево-Печ. лавры стр. 310, 315 и 322).

(7) Основаніе сей церкви на Берестовѣ приписывается митрополиту Іоанну I, или Іонѣ, бывшему въ Кіевѣ съ 1007 или съ 1008, скончавшемуся въ 1035 году (Опис. Кіево-Соф. Собора, стр. 66).

(8) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 67, 68, 255; Ист. Рос. Татищева II, 111. Сочинитель книги: «Очерки Ист. Рус. церкви въ періодъ до-Татарскій», печ. 1847 г., стр. 172, читаетъ *въ ней;* а сочинитель Ист. Рус. церкви, періодъ первый, печ. 1848 г., стр. 240, *въ немъ*.

(9) Кубаревъ о Несторѣ стр. 395, 403, 404, 413. Въ Никоновской лѣтописи I, 140, сказано, что презвитеръ Иларіонъ... Хожаше съ Берестовскаго на Днѣпръ на холмъ, *на ветхій монастырь Печерскій*, и тамо ископалъ печерку малу дву сажень. Составитель этой лѣтописи не вспомнилъ, что тогда еще не существовалъ монастырь Печерскій, и предлогомъ *на* замѣнилъ несторовы слова: *идѣ нынѣ*.

(10) Полн. Соб. Рус. Лѣт. I. 68.

(11) Объ этомъ и о мірскомъ имени антоніевомъ *Антипа* (изъ Супрасльской лѣт., стр. 163 и 164), писано въ Оборонѣ лѣтописи Несторовой отъ навѣта скептиковъ, стр. 194 и 413. Преосвященный Филаретъ (въ Ист. Рус. церкви, періодъ I, стр. 240) согласился съ изложеннымъ въ Оборонѣ объясненіемъ.

(12) Этотъ годъ показанъ также и въ лѣтописяхъ Густинской и Новогородской (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II 266 и III, 210).

(13) Кубаревъ о Несторѣ, стр. 401, 402 и 403.

(14) Карамзинъ въ И. Г. Р. II, пр. 138. Онъ сомнѣвался также и въ другомъ сказаніи епископа Симона, что Иларіонъ постриженъ въ иноки Антоніемъ «и тако священства сподобленъ», полагая, что Антоній былъ еще самъ бѣльцемъ когда Иларіонъ пасъ уже церковь. Но Симонъ въ посланіи къ Поликарпу присоединилъ Иларіона къ тѣмъ инокамъ печерскимъ, которые достигли архіерейскаго сана (Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 256); да и самъ Иларіонъ говоритъ о себѣ, что онъ «монахъ и презвитеръ... священъ въ митрополита 1051 года» (Памятн. духов. лит. временъ в. к. Ярослава, I, стр 4 и 54).

(15) Кубаревъ о Несторѣ, стр. 397—402.

(16) Кубаревъ (тамъ же, стр. 398), указывая на историч. изслѣдованіе о Тмуторокани графа Мусина Пушкина, кажется, не имѣлъ въ рукахъ своихъ письма А. Н. Оленина о камнѣ тмутороканскомъ, напечатаннаго въ 1806 году. Къ этой книгѣ Оленина приложенъ вѣрнѣйшій рисунокъ съ тмутороканской надписи, во всю ея величину, святый питомцемъ Академіи Художествъ, Ушаковымъ, посредствомъ гипсоваго слѣпка. Отъ буквы М, стоящей на окраинѣ камня, сохранились только первыя двѣ черты, послѣднія же двѣ отшибены, и потому, какой знакъ изсѣченъ былъ на верху этой буквы подъ титломъ, О или Р, и не было ли еще при ней буквы Е, узнать не можно.

(17) Остромирово Евангеліе, стр. 161. Въ славянской грамматикѣ г. Пенинскаго (стр. 52 и 54) изчислены слова, сокращаемыя титлами въ славянскихъ книгахъ, но нарѣчія *много* тамъ нѣтъ.

(18) Полн. Соб. Рус. Лѣт. I, 71.

(19) Въ житіи Антонія л. 4, и Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 256.

(20) Во 110 саженяхъ отъ прежней (Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 5).

(21) Полное Собр. Рус. Лѣт. I, 74, 83. Кубаревъ пишетъ (о Несторѣ, стр. 422), что Антонія увезъ въ Черниговъ Всеславъ, и что издатели печатнаго Патерика по догадкѣ поставили имя Святослава, а Карамзинъ Изяслава; но Кубаревъ не правъ. Это покровительство Антонію приписано Святославу не въ одномъ Патерикѣ, а и въ лѣтописныхъ спискахъ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и въ прочихъ; въ Лаврентьевскомъ же имя того князя переписчикомъ пропущено (а). Да и когда Всеславъ могъ узнать о гнѣвѣ на Антонія Изяслава, не вступавшаго еще въ Кіевъ, и какимъ образомъ далъ Антонію убѣжище во владѣніи недруга своего Святослава? По лѣтописи и по Слову о Полку Игоревѣ извѣстно, что Всеславъ, услышавъ о походѣ къ Кіеву Изяслава съ польскимъ королемъ Болеславомъ, вышелъ, весною 1068 года, съ кіевскимъ ополченіемъ на встрѣчу имъ къ Бѣлугороду, отстоящему отъ Кіева на $23^1/_2$ версты,—показывалъ готовность сражаться, но не дождавшись непріятелей бѣжалъ отъ кіевлянъ тайно, ночью, 15 апрѣля, изъ Бѣлагорода въ свой Полоцкъ, какъ бы призываемый туда къ заутрени звономъ колоколовъ тамошняго Софійскаго собора, — скрылся же отъ кіевлянъ при густой мглѣ, и переплывъ у Кіева на лѣвый берегъ Днѣпра, скакалъ такъ скоро, что еще до куропѣнья предднѣвнаго достигъ Тмуторокана-Остреческаго, упоминаемаго въ географическомъ отрывкѣ XIV или XV вѣка, въ числѣ городовъ кіевскихъ (б). По всей вѣроятности, это то мѣсто, которое, подъ именемъ Городна на Острѣ, Городца Острецкаго, нерѣдко встрѣчается въ лѣтописи со времени

(а) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 83, 260.

(б) Воскрес. лѣт. I, 20. Въ Словѣ о П. И.: «Всеславъ.... скочи отъ нихъ (кіевлянъ) лютымъ звѣремъ въ полуночи изъ Бѣлагорода... Обѣсися синѣ мглѣ... тому въ Полоцкѣ позвониша заутренюю, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша». Г. Мѣневъ въ стихотворномъ переложеніи этого Слова сказалъ (стр. 46): «Всеславъ въ пути перерыскивалъ бѣгъ хорсу летучему, славному, *которому* въ Полоцкѣ, съ колоколенъ Софіи, звонили заутреню» (!).

мирнаго постановленія тамъ между братьями Ярославомъ и Мстиславомъ Тмутороканскимъ, въ 1026 году (в). Нынѣ на томъ мѣстѣ стоитъ слобода Старогородка, въ 55 верстахъ отъ Кіева по прямой дорогѣ (г).

Къ рѣчи о Всеславѣ припомнимъ, что сей полоцкій князь (1044—1101 г.), вмѣстѣ съ дядьями своими в. к. кіевскимъ Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, находился, въ 1060 году, въ походѣ на торковъ, а въ 1066 заратился противъ Новагорода, и въ 1067 былъ тѣми же Ярославичами разбитъ на рѣкѣ Немизѣ, вызванъ потомъ ими къ Смоленску подъ предлогомъ примиренія, схваченъ и заключенъ въ Кіевѣ въ темницу съ двумя сыновьями своими. Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ Всеславъ являлся обыкновеннымъ человѣкомъ и христіяниномъ (д); но нѣкоторымъ писателямъ онъ показался не на шутку колзуномъ, кудесникомъ, чародѣемъ, вѣдьмою мужескаго рода, оборотнемъ, могущественнымъ волшебникомъ (е), потому что въ рѣчахъ Слова о Полку Игоревѣ, составленнаго по *былинамъ* времени, а не по *вымысламъ* Бояна: «Всеславъ князь.... въ ночь *волкомъ* рыскаше, изъ Кіева дорыскаше до куръ *Тмутороканя*, великому *Хръсови* волкомъ путь прерыскаше», тѣ писатели приняли Тмутороканъ за градъ Тьмуторокань Таманскій, удаленный отъ Кіева, по прямому протяженію, на 650 верстъ (ж) и состоявшій тогда въ удѣлѣ черниговскаго князя Святослава; а въ имени *Хръсови* воображали то идола Хорса, то Херсонъ, то Хазарію, какъ будто эти предметы имѣютъ движеніе по землѣ и можно имъ пересѣкать дорогу, или опереживать ихъ на бѣгу. Уже давно предложено было доказательство, что въ реченіи *Хръсови* таится описка, одна изъ многихъ, замѣченныхъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ (з), которая должна быть исправлена именемъ Днѣпра *Днѣпрови*, такъ какъ Всеславъ въ своемъ бѣгствѣ пересѣкалъ быстрыя струи сей великой рѣки (и). Если же Всеслава станемъ честить титломъ чародѣя, то можемъ видѣть въ Словѣ о П. И. и другихъ ему подобныхъ. Половецкій князь Гзакъ бѣгаетъ *сѣрымъ волкомъ*; Ярославна готовится *летѣть по Дунаю зегзицею*; князь Игорь, разбитый половцами въ 1185 году у рѣки Каялы, теперешняго Калміуса, и содержавшійся въ плѣну на ихъ кочевьѣ, между Донцемъ и Дономъ, на правой сторонѣ рѣчки Тора, когда ночью бѣжалъ въ отчизну, перебрелъ эту рѣчку, сѣлъ на приготовленнаго ему тамъ Овлуромъ коня и достигъ Донца (і): то «поскочи *горностаемъ*

(в) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 64.

(г) О Тмутороканѣ Остреческомъ писано въ Оборонѣ лѣт. Нестора, стр. 289—292.

(д) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 70, 72, 74.

(е) Чтенія въ Москов. Общ. Ист. и древн. Рос. 26 апрѣля 1847 г. въ Смѣси, стр. 15—23.

(ж) Отъ Кіева къ юго-востоку на 6°, 11′.

(з) Наприм., тамъ написано *отця* вмѣсто *тетя*, *цтя*, т. е. *тестя*; *междю* угорскими иноходци вмѣсто *межъ двю* угорскихъ иноходцевъ. Есть также нѣсколько перестановокъ во фразахъ, которыя можно бы, кажется, исправить по лѣтописямъ.

(и) «Нѣчто къ Слову о полку Игоревѣ» въ Вѣстн. Европы 1821 г., №№ 21 и 22, стр. 41 и 45, и статья въ Сынѣ Отеч. и Сѣверн. Архивѣ 1834 г., № 52: «О войнѣ великаго князя Святополка съ половецкимъ княземъ Тугоркановъ въ 1096 году».

(і) Рѣчка Торъ, она же и Сальпица, такъ названная по своимъ соляными озерамъ, вливается въ Донецъ съ праваго его берега, у заштатнаго города Славянска, въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Г. Дубенскій, издавшій въ 1844 г. Слово о Полку Игоревѣ съ своими объясненіями (Рус. достопамятн., ч. III, 228), не зналъ р. Тора, не читавъ, вѣроятно, Ипатьевской лѣтописи (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 133 и 134), а потому полагалъ, что Игорь содержался у половцевъ на лѣвой сторонѣ Дона, удаленнаго отъ р. Тора верстъ на 200, — что Овлуръ держалъ для Игоря заводнаго коня на *правомъ* берегу Дона, и что Игорь перебрелъ эту рѣку, несмотря на ея ширину и глубину.

къ тростію, *бѣлымъ гоголемъ* на воду, скочилъ *босымъ волкомъ*, потече по лугу Донца (по лѣвому берегу), и полетѣ *соколомъ* подъ мглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ». Владиміръ Мономахъ и Ярославъ I имѣли не человѣческую же чуткость: крамольный Олегъ... «ступаетъ въ златъ стремень во градѣ Тьмуторокани», оттого Владиміръ (Мономахъ) сынъ Всеволодовъ «по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ»; а давный великій Ярославъ такой же звонъ оттуда слышалъ, т. е. грозу отъ брата своего Мстислава, который, пришедъ изъ Тмуторокани къ Чернигову, разбилъ Ярослава на-голову у Листвена въ 1024 году (к).

(22) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 73, 74, 83, 260.

(23) Тамъ же III, 208; Патер. л. 8, 10, и Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 100. Въ статьѣ: «О достопамятностяхъ Чернигова» сказано, что Антоній возвратился изъ Чернигова въ Кіевъ въ 1072 году (Чтенія въ Москов. Общ. Ист. и древн. Рос. 1847 г., № I, стр. 12). Въ Энциклопедич. Лексиконѣ житіе Антонія описано превратно.

(24) Кубаревъ о Несторѣ, стр. 427 и 428, и о Патер., стр. 26.

(25) За потерею начальныхъ листовъ слѣдуютъ въ немъ: слово 7, сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря; слово 8, житіе Ѳеодосія; слово 9, о перенесеніи Ѳеодосіевыхъ мощей; слово 10, о покованіи раки ѳеодосіевой; слово 11, похвала Ѳеодосію; слово 12, о святыхъ, блаженныхъ, первыхъ черноризцѣхъ печерскихъ, о Даміанѣ, Іереміи и Матеіи; слово 13, о Нифонтѣ, епископѣ новогородскомъ. Въ такомъ же порядкѣ, и подъ тѣми же цыфрами, помѣщены эти статьи и въ патерикахъ, писанныхъ въ XVI вѣкѣ, принадлежащихъ почетному гражданину Царскому (Опис. его рукоп., №№ 296 и 297.)

(26) Опис. рукоп. Библ. Румянц. Муз., стр. 427.

(27) Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 140.

(28) Митрополитъ съ 1461 г. (Никон. лѣт. V, 288.)

(29) Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 248.

(30) Въ описаніи Славяно-Россійск. рукоп. графа Толстова, стр. 376, и въ Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 248, сказано, что патерикъ Толстова списанъ со списка, снятаго въ 1462 году со списка же, написаннаго въ 1460 году *по волѣ инока Кассіана для священно-инока Акакія*. Для кого же изготовленъ былъ 1460 года?

(31) Акты Историч., I, 96 и 97. Со времени переселенія митрополита Максима Грека изъ Кіева въ Москву, 1283 года, въ Кіевъ посылаемы были митрополичьи намѣстники, пока в. к. литовскій Витовтъ, въ 1416 году, учредилъ въ Кіевѣ особаго митрополита, въ лицѣ Григорія Симблака; когда же третій преемникъ симблаковъ, Григорій II съ 1458 года, за преклонность къ уніи былъ кіевлянами изгнанъ, тогда Іона, митрополитъ московскій, управлялъ кіевскою іерархіею посредствомъ своихъ намѣстниковъ; но по кончинѣ Іовы (1461 г.) кіевская іерархія вновь отдѣлилась отъ московской, и Акакій въ Москву возвратился (Кіев. Синописъ; пятаго изд., стр. 192, 196, и въ прибавленіи — стр. 97; Опис. Кіево-Соф. собора, въ прибавл. стр. 37). Издатель Описанія Кіево-Печерской Лавры (стр. 123 и 144) ошибочно назвалъ этого Акакія намѣстникомъ Печерской лавры, т. е. лицомъ, подчиненнымъ ея архимандриту.

(32) Ист. Г. Р. I, XXXIII.

(33) Кубаревъ, о Патер., стр. 1.

(34) Въ посланіи Поликарпа къ Акиндину сказано: «Аще повелитъ твое преподобство написати, да сущимъ по насъ пользы ради оставимъ, яко же блажен-

(к) Мы не слѣдуемъ ни Дубенскому, ни другимъ перелагателямъ Слова о П. И., которые читаютъ: «Ярославль сынъ Всеволодъ».

ный Нестеръ въ лѣтописи написа о блаженныхъ отцѣхъ о Даміанѣ, Іереміи, Матеи и Исакіи, въ житіи же святаго Антонія вся житія ихъ списана суть, аще и вкратцѣ речена.»

(35) Несторово Слово о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба не внесено въ Патерикъ, какъ не имѣющее отношенія къ обители Печерской, еще и не существовавшей при сихъ князьяхъ.

(36) Кубаревъ о Патер., стр. 26.

(37) Эту вставку повторяетъ и Синопсисъ Кіев. (стр. 114—116); а въ Опис. Кіево-Печ. Лавры (стр. 165—176, 249—251) напечатана и грамота о томъ в. к. Андрея Юрьевича, будто бы пожалованная отъ него Печерскому монастырю, въ 1159 году, вписанная слово въ слово въ грамоту отъ имени Іереміи, патріарха константинопольскаго, выданную 1592 г. Мелетію Богуринскому, епископу володимірскому и берестенскому, архимандриту Кіево-Печерскаго монастыря. Въ Андреевской грамотѣ, между прочимъ, сказано: «да не обладаетъ монастыремъ Печерскимъ митрополитъ кіевскій, и ни единъ изъ клириковъ софійскихъ, но да будетъ въ оборонѣ нашей и изчадковъ нашихъ на вѣчные часы.... какъ о томъ изъяви предъ преставленіемъ Ѳеодосій Печерскій, при в. к. Изяславѣ». Изобрѣтатель этой грамоты не зналъ, что Андрей Георгіевичъ Суздальскій въ 1159 году не имѣлъ никакой власти надъ Кіевскимъ княжествомъ, а сталъ вмѣшиваться въ дѣла онаго уже съ 1169 г. (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 151; Карамз. И. Г. Р. II, 316 и III пр. 26),—не зналъ и того, что при кончинѣ Ѳеодосія занималъ кіевскій престолъ не Изяславъ, а Святославъ. Баронъ Розенкампфъ, въ обозрѣніи Кормчей книги, изчисляя церковные акты русскіе (стр. 463—469), не рѣшился внесть въ свое сочиненіе означенную грамоту Боголюбскаго, и ее слѣдуетъ принимать въ одинакомъ достоинствѣ съ другою, которая писана отъ имени того же патріарха, 6 августа 1589 г., къ помянутому Мелетію на званіе первопрестольника по митрополитѣ на соборѣ кіевской митрополіи, и которая признана подложною (Опис. Кіево-Соф. собора, стр. 132—134).

(38) Полн. Собр. Рус. лѣт. I, 80, и Никон. лѣт. I, 170; но въ Рос. лѣт. по Соф. сп. Великаго Новагорода (стр. 135), въ Воскресен. лѣт. (I, 208), и въ Соф. Времен. (I, 172), нѣтъ рѣчи о Николаѣ и Игнатѣ.

(39) Въ библіотекахъ степенныхъ монастырей россійскихъ (кромѣ малороссійскихъ и бѣлорусскихъ) находилось, въ XVII вѣкѣ, рукописныхъ печерскихъ патериковъ болѣе пятидесяти (Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и древн. Рос. 31 янв. 1848 года).

(40) Кубаревъ: о Несторѣ, стр. 400, 407 и 429. Онъ пишетъ, что авторитетъ издателей печатнаго Патерика увлекъ и Татищева, которому послѣдовали всѣ другіе. Самъ же Татищевъ (Ист. Рос. I, 53) говоритъ: «Имя Несторово объявлено въ трехъ древнѣйшихъ и надежнѣйшихъ лѣтописяхъ; но ослибъ и не было его имени, то показаніе Нестора въ Патерикѣ, и по согласнымъ обстоятельствамъ въ лѣтописи, доказуетъ, что оная лѣтопись есть Несторова». Разумѣется, что Татищевъ указываетъ на свидѣтельство о Несторѣ поликарпово и на тожество сказаній лѣтописи и Патерика.

(41) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 254, 265, 267.

(42) Толстова, стр. 188; Румянц., стр. 427—429; Царскаго, стр. 305—309.

(43) Тоже и въ Торжественникѣ, писанномъ въ XVI вѣкѣ (Опис. рук. Румянц. Муз., стр. 679).

(44) Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 200, 201, и Царскаго, стр. 44.

(45) Сильвестра, игумена Михайловскаго Выдубичскаго монастыря въ Кіевѣ, нѣкоторые писатели признаютъ, вмѣсто Нестора, за сочинителя лѣтописи Русской (о русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 г., въ Трудахъ Рос. Акад.,

IV, стр. 104—106), положась на послѣсловіе, напечатанное въ Никоновской лѣтописи (II, 51, V, 28), и оттуда же повторенное въ Древнемъ лѣтописцѣ (стр. 389, 390) и въ Царственномъ лѣтописцѣ (стр. 5), гдѣ это послѣсловіе, короткое въ Лаврентьевскомъ и другихъ древнихъ спискахъ, распространено произвольно, въ такомъ видѣ, будто бы Сильвестръ въ самомъ дѣлѣ былъ кіевскій лѣтописатель. Но Сильвестръ не былъ постриженникъ Ѳеодосіева Печерскаго монастыря, какъ уже доказано (Оборона лѣт. Нест., стр. 212—216), а потому и не могъ обращать къ своему лицу словъ лѣтописи: а) «Ѳеолосію живущу въ монастырѣ... къ нему же и *азъ* придохъ .. и пріятъ *мя*»; б) подъ 1091 годомъ: «Повелъ игуменъ (печерскій) рушити, гдѣ лежатъ мощи его (Ѳеодосія), его же повелѣнію быхъ *азъ* грѣшный первое самовиделъ», и в) подъ 1096 годомъ, при вторженіи бояковыхъ половцевъ въ Печерскую обитель: «*намъ* сущимъ почивающимъ въ келліяхъ по заутрени» (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69, 90, 99). Повидимому, этотъ Сильвестръ снялъ самъ для себя, въ 1116 году, противень съ тѣхъ тетралей «Повѣсти временныхъ лѣтъ *черноризца Ѳіодосіева Печерскаго монастыря*, откуда есть пошла Русская земля» (лѣтописные списки Ипатьевскій, Радзивиловскій, Троицкій), въ которыхъ событія доведены были до 1111 года, и на своемъ спискѣ сдѣлалъ приписку уже тогда, когда былъ епископомъ переяславскимъ 1119—1113 года, для заявленія принадлежности ему сей рукописи, съ просьбою, чтобъ читатели ея молили о немъ Бога, (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 123). Симонъ и Поликарпъ не знаютъ Сильвестра въ качествѣ лѣтописца.

Суздальскій инокъ Лаврентій представляется нѣкоторымъ писателямъ не простымъ перепищикомъ, а составителемъ лѣтописи изъ книгъ *ветшаныхъ* (О Рус. лѣтописяхъ и лѣтописат. по 1240 г.). Другіе заявляютъ догадку, не былъ ли онъ продолжателемъ несторова Временника (Историч. Словарь о писат. духовн. чина, II, 164). Но можно ли повѣрить, чтобъ Лаврентій совершилъ такой важный трудъ въ 65 дней, исписавъ 173 пергаминныхъ листа въ большой квартантъ, около четвертой части почеркомъ уставнымъ, а прочіе полууставнымъ, и чтобъ онъ, занимавшись этою работою въ 1377 году, прекратилъ лѣтописныя сказанія не на своемъ времени, а на 1305 году? (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, XIII).

(46) Кубаревъ, о Несторѣ, с. 418. 419, 423, 429, 430, 433.

(47) Нельзя не вспомнить, при этомъ случаѣ, мнѣнія скептиковъ школы покойнаго М. Т. Каченовскаго, что всякій мало-мальски грамотный человѣкъ XI вѣка въ состояніи былъ написать житіе Ѳеодосія такъ, какъ сочинилъ Несторъ (см. въ Оборонѣ лѣт. Нестор. с. 243).

(48) Христіан. чтен., издан. отъ Спб. Духовн. Акад. на 1849 г. Ноябрь, отд. III. стр. 301 и 316.

(49) Памятн. рос. словесн. XII вѣка, стр. XXVII—XXXIII.

(50) Рукописи почетн. гражд. Царскаго, стр. 58 и 72.

(51) Путешест. русскихъ людей въ чужія земли I, 17.

(52) Полн. собр. рус. лѣт. I. 100.

(53) Памятн. рос. словесн. XII вѣка, стр. 257.

(54) Описс. рукоп. библ. Румянц. муз., стр. 432.

(55) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 417, 418, 419, 422, 423, 426. Имя несторово означено на заглавіи въ древнихъ лѣтописныхъ спискахъ: а) въ трехъ, бывшихъ у В. Н Татищева: Раскольничьемъ, Голицынскомъ и Іосифовскомъ; б) въ Ипатьевскомъ, простирающемся до 1292 г., и Кіевскомъ, хранящемся въ Синодальной Москов. библіотекѣ; в) въ Хлѣбниковскомъ, и г) въ Ѳеодосіевскомъ (Калайд. въ запис. и труд. Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. I, 120; Оборона лѣт. Нестор., стр. 214, 215). На другихъ же спискахъ, писанныхъ внѣ области Кіевской, каковъ Суздальскій Лаврентьевскій, Новогородскіе, Воскресенскій и Нико-

новскій, нѣтъ имени Нестора, нѣтъ и *черноризца Ѳеодосіева Печерскаго монастыря*, вѣроятно потому, что эти списки заключали сочиненія не одного Нестора, но и продолжателей его, по имени и саву своему неизвѣстныхъ.

(56) Полн. собр. рус. лѣт. I, 178, 185, 189, 190; Памяти Рос. словесн. XII вѣка, стр. 244.

(57) Обозрѣніе Кормчей книги, барона Розенкампфа, въ VIII прибавленіи, стр. 53 и 65.

(58) Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 102—104., и Патер. печат.

(59) Авторъ статьи: «О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ», говоритъ: «не можно ли полагать, что и въ сказаніи Поликарпа имя Несторово вставлено позднѣйшими собирателями и переписчиками Патерика, какъ оно вставлено (по мнѣнію автора) въ житіи Антонія и Ѳеодосія?» Что за счастливое имя этого Нестора! вездѣ оно одно; а надлежало же быть кому либо въ подлинникѣ поликарпова сочиненія подъ титломъ *блаженнаго* лѣтописца русскаго.

(60) Чтенія въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г. въ Смѣси, стр. 75.

(61) Рукописный сборникъ въ библ. Румянц. муз., показанный въ Описаніи подъ № 152 на стр. 200.

(62) Житіе Ѳеодосіево, въ Румянц. Патер.

(63) Полн. собр. рус. лѣт. I, 244, 265.

(64) На слова несторовы, что основанный Никономъ въ Тмуторокани монастырь, «яже и донынѣ есть прикладъ имѣ весь Печерскій монастырь», Кубаревъ говоритъ, въ одномъ случаѣ (о Несторѣ, стр. 418), что какъ тогда Печерскій монастырь еще не существовалъ, то, вѣроятно, Несторъ писалъ это послѣ 1088 года, т. е. послѣ освященія, въ 1089 году, каменной церкви Ѳеодосіева монастыря; въ другомъ (стр. 421), что Никонъ тогда только могъ дать обители своей подобіе Печерскаго монастыря, когда возвратился въ Тмуторокань изъ Чернигова съ княземъ Глѣбомъ, сыномъ Святослава, что было въ 1066 году, т. е. во время существованія, съ 1062 года, Печерскаго монастыря въ зданіяхъ деревянныхъ, названнаго у Нестора *ветхимъ*. Но Кубаревъ напрасно выпустилъ въ несторовой фразѣ начальныя слова о Никоновой Тмутороканской обители: «*возрасте мѣсто то* и бысть монастырь славенъ все подобіе имый монастыря Печерскаго». Глаголъ *возрасте* показываетъ, что только *по времени* Никоновъ монастырь доведенъ до такого устройства. Такъ, и въ житіи Ѳеодосія написано, вслѣдъ за сказаніемъ о переволѣ братіи, въ 1062 году, изъ пещеръ во вновь устроенный, на открытомъ мѣстѣ, деревянный монастырь: «*возрасте мѣсто* то и бысть монастырь славенъ.»

(65) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 402, и о Патер., стр. 3, 6 и 7.

(66) Полн. собр. руск. лѣт. I, 67—69.

(67) *Положихъ* значитъ: предалъ, завѣщалъ (Словарь церковно-славяно русскій).

(68) Полн. собр. рус. лѣт. I, 69.

(69) Кубаревъ (о Несторѣ, стр. 435) удивляется, что не сказано, гдѣ происходило богослуженіе въ Печерскомъ монастырѣ, въ теченіи времени отъ заложенія каменной церкви въ 1073 до освященія ея въ 1089 году. Новая, каменная, создана на другомъ, болѣе пространномъ мѣстѣ (Патер., л. 8); деревянная же продолжала существовать на прежнемъ, и по переведеніи игуменомъ Стефаномъ иноковъ въ новоустроенный каменный монастырь тамъ оставлено нѣсколько братій для погребенія преставльшихся монаховъ и для ежедневнаго совершенія литургіи за умершихъ и благодѣтелей монастыря (Патер., л. 89), какъ и самъ Кубаревъ написалъ это одною страницею выше.

(70) Полн. собр. рус. лѣт. I, 78, 79, 85. Издатели печатнаго Патерика, къ несторову сказанію объ открытіи и перенесеніи Ѳеодосіевыхъ мощей, присоединили, по связи, извѣстія, какъ о вписаніи имени Ѳеодосіева въ синодикъ, такъ и о

кончинѣ боярина Яна, или Іоанна, супруга котораго Марія погребена въ каменной церкви Печерскаго монастыря; а изъ сочиненій Симона епископа включили туда объ украшеніи раки ѳеодосіевой Георгіемъ, тысяцкимъ суздальскимъ, 1130 года, дабы все относящееся до Ѳеолосія соединить въ одну повѣсть.

(71) Такого мнѣнія держался и покойный профессоръ Р. Ѳ. Тимковскій (Зап. и труды Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. I, стр. 63).

(72) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 428 и 429. Слово *индѣ*, на замѣну *паки*, Кубаревъ, вѣроятно, взялъ изъ Никоновой лѣтописи (I, 142), гдѣ сказано: «а о Ѳеодосіеви житіи *индѣ* скажемъ».

(73) Укажемъ, только на стр. 42, 43, 54, 71 Полн. Собр. Рус. Лѣт. I; а такихъ мѣстъ тамъ и въ другихъ сочиненіяхъ несторовыхъ множество.

(74) Кубаревъ, о Патер., стр. 16 и 27.

(75) Патер. л. 66, 91, 199. Объ этомъ же окованіи гроба ѳеодосіева сказано и въ лѣтописи (Полн. Собр. Рус. Лѣт: II, 12).

(76) Ист. Г. Р. II, 91, 94, 107, 147 и пр. 138; Полн. Собр. Рус. Лѣт I, 66, 75, 89, 91, 94, 119. Имя Вышаты, кромѣ показанныхъ двухъ, встрѣчается также въ лѣтописяхъ подъ 1186, 1230, 1243 и прочими годами.

(77) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 91, 94, 120. Вѣроятно, Несторъ отъ самого Яна Вышатича узналъ, между прочимъ, подробности истребленія симъ мужемъ, въ Суздальской области и въ Новѣгородѣ, душегубцевъ-кудесниковъ, описанныя въ Лѣтописи подъ 1071 годомъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 75—78).

(78) Тамъ же, стр. 91, 120.

(79) Патер. Румянц. и Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 91. Въ ключѣ къ ист. Гос. Рос. Карамзина есть шесть Іоанновъ, которые названы Янами, и двое въ указателѣ къ актамъ историч. (IV, 208, 292). Іакова звали у насъ Якуномъ, Іоакима Якимомъ, Николая Микулою, а Георгія Юрьи, Юргви, Гюргі, Гюрди, Дюрди, Дюргви (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 11, 13, 69 и проч.).

(80) Ист. Г. Р. II, 147.

(81) Шлёцеръ — въ Несторѣ I, 19.

(82) II, 91, а по изданію 1818 г. с. 451.

(83) Славянскія древности, по изданію 1848 г. Т. I, кн. I, с. 24 и 381. Шафарикъ въ одномъ случаѣ написалъ, что Несторъ родился 1056, умеръ около 1116 года: въ другомъ, что нѣкій *монахъ Янъ, товарищъ Нестора, умеръ въ 1016 году, спустя годъ по кончинѣ В. К. Владиміра.* Тутъ Шафарикъ принялъ годъ рожденія Яна за годъ его кончины, а нашъ переводчикъ шафариковой книги не осмѣлился ни замѣтить, ни исправить этотъ недосмотръ.

(84) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II. 29; Воскрес. лѣт. I, 289; Ист. Рос. Татищева II, 301.

(85) Кубаревъ о Патер. стр. 3, 5, 28.

(86) Пол. Собр. Рус. Лѣт. I. XVI, XVII и 254. Въ описаніи Кіево-Печ. Лавры (с. 123) сказано, что въ Московской Патріаршей Библіотекѣ есть патерикъ харатейный, писанный въ исходѣ XIV вѣка.

(87) Кубаревъ, о Патер. стр. 25. Если Кубаревъ точь-въ-точь выписалъ изъ Берсеневой книги лѣто $\overline{\text{SAДI}}$, то странно, что не замѣтилъ, въ одной изъ этихъ буквенныхъ цыфръ, важной ошибки: буква а означаетъ единицу, здѣсь же надлежало быть, для цыфры 900, ц или я.

(88) Памятн. духов. литер. временъ Ярослава I, стр. 19.

(89) Кубаревъ (о Патер., стр. 3, 6 и 25) говоритъ, что патерикъ Берсенева начинается службою преподобному Ѳеодосію, которой онъ, Кубаревъ, не нашелъ ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ манускриптовъ. Но въ рукописяхъ, принадлежащихъ почетному гражданину Царскому, есть сборникъ, писанный въ исходѣ XVI

вѣка, гдѣ, между службами святымъ, находится «Память преподобнаго отца нашего Ѳеодосія, игумена обители Печерской, чудотворца» (стр. 633).

(90) Кубаревъ, о Несторѣ. стр. 423; М. П. Погодина — «Несторъ. историко-критич. разсужд. о началѣ Рус. Лѣт.» стр. 69.

(91) Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 430; рукописи Царскаго, стр. 306, 308.

(92) Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 256.

(93) Въ статьѣ: «Древнія святыни Ростова великаго», напечатанной въ Чтен. Москов. Общ. Ист. и древн. Рос. годъ 3, № 2, стр. 6, сказано, что при князѣ Василькѣ (род. 1209 † 1238 г), сынѣ ростовскаго князя Константина Всеволодовича, написано на пергаминѣ житіе св. Нифонта, и что эта рукопись находится въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры.

(94) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 80.

(95) Кубаревъ, о Патер., стр. 5, 24, 25, 26, 28.

(96) Ватиканскій списокъ славянскаго перевода Манассіи писанъ на *пергаминѣ* 1369 года; а нашъ патріаршій списокъ на лощеной *хлопчатой бумагѣ* 1345 года, и болѣе вѣренъ (о переводѣ Манассіинской Лѣт. на славян. языкъ, стр. 8–10).

(97) Кубаревъ утверждаетъ (о Патер., стр. 38), что *руды* написано во всѣхъ спискахъ Патерика, которые онъ сличалъ съ Кассіановскимъ.

(98) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 392 и 393.

(99) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 65 и 66. Покойный митрополитъ кіевскій Евгеній вѣрилъ, что Несторъ зналъ греческій языкъ и читалъ греческихъ лѣтописцевъ (Словарь Историч. о бывшихъ въ Россіи писат. II, 449); г. Погодинъ тоже (о Несторѣ, стр. 157); но г. профессоръ Ивановъ (Учен. Зап. Казан. Универс. 1843 г. книжки II и III, стр. 214, 232, 234) не соглашается, чтобъ Несторъ могъ обучиться въ Кіевѣ греческому языку, и говоритъ, что по предположенію автора Обороны Несторовой Лѣтописи, Несторъ могъ знать и еврейскій языкъ, потому что въ Кіевѣ находилась еврейская синагога. Въ Оборонѣ нѣтъ и рѣчи о еврейскомъ языкѣ; почему можно думать, что г. Ивановъ только перелистывалъ эту книгу. Тоже должно сказать и на мнѣніе его, якобы въ Оборонѣ отвергаются не однѣ монастырскія записки, но и всякія другія какія нибудь краткія записки. Г. Ивановъ не сказалъ бы того, еслибъ ближе вникъ въ страницы 201—207, 209, 211 Обороны и помнилъ бы при томъ, что самъ Несторъ не странствовалъ по Россіи, не участвовалъ въ воинскихъ походахъ, писалъ только то, что узналъ отъ другихъ словесно или письменно. Оттого онъ въ однихъ случаяхъ плодовитъ, въ другихъ кратокъ, а иное и вовсе не было ему извѣстно, происходившее вдалекѣ отъ Кіева (Оборона, стр. 173, 174).

(100) Извѣстія Визант. Историк., III, 54, 55; Шлёцеръ — въ Несторѣ, III, 407, 408.

(101) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 65, 66.

(102) Тамъ же, 102.

(103) Калайдовичъ — въ Іоаннѣ Екз. Болгар., стр. 102, и Востоковъ — въ Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 9 и 506.

(104) Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 февр. 1848, въ Матер., стр. XVI—XIX и стр. 4 и 5.

(105) Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г. въ Смѣси, стр. 75 и 76.

(106) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 12, и въ первомъ столбцѣ, стр. 239 – 246; Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г. въ Смѣси, стр. 75. — Въ тѣхъ же славянскихъ переводахъ Амартола, которые открыты въ рукописяхъ: XV вѣка, Костромскаго Богоявленскаго монастыря и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и XVI вѣка Чудовскаго монастыря, а также и въ Супрасльской библіотекѣ, является согласіе съ несторовымъ переводомъ.

(107) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 6 и 241.

(108) Тамъ же, стр. 6 и 242, и въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г. въ Смѣси, стр. 81.

(109) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 18 и 245.

(110) Далинъ въ Исторіи Швед. Госуд. I, 839. Греки называли подобныя суда *дромосъ*. Въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 г., въ Смѣси, стр. 94—97, напечатанъ другой старинный переводъ изъ Феофанова продолжателя, сличенный съ болгарскимъ, гдѣ написано: «Іюня же мѣсяца 18 дня, 14 индикта, приплу Русь на Константинь градъ лодіями тысящь 10, иже *и скеди* глаголемъ, отъ рода Варяжска сущимъ», т. е. приплыли къ Константинополю руссы, сущіе отъ рода варяжскаго, на 10 тысячахъ ладій, называемыхъ нами также и *скедіями;* но одинъ изъ почтенныхъ писателей нашихъ, написавъ: «иже *ис кеди*», ищетъ въ буквахъ *ис* предлога *изъ*, а въ *кеди* имя города *Кіева*, хотя въ греческомъ текстѣ стоитъ тутъ слово *плоіонъ* — корабль.

(111) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 18, 19, и 245; Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 нояб. 1846 г. въ Смѣси, стр. 94—96.

(112) Карамз. И. Г. Р. II, пр. 64 и 243; А. Д. Чертковъ — «О переводѣ Манассіинской Лѣтописи», стр. 5 и 152.

(113) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 100 и 107.

(114) Ист. Г. Р. II, пр. 64. Г. Бѣляевъ (въ статьѣ: «О Несторовой Лѣтописи», въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 дек. 1846 г., стр. 18) говоритъ, что извѣстіе о войнѣ Симеона болгарскаго съ Уграми (902 г.) Несторъ взялъ прямо у болгарскаго переводчика лѣтописи Манассіинской. Правда ли! Болгарскій переводъ Манассіи сдѣланъ не прежде 1345 года, по приказанію болгарскаго царя Іоанна Александра, умершаго около 1350 года. Изъ этого источника черпалъ не Несторъ, а Никоновская Лѣтопись и нѣкоторые хронографы. (А. Д. Чертковъ «О переводѣ Манас. Лѣт.», стр. 11, 28, 35, 145, 154, и А. Х. Востоковъ въ Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 385); о войнѣ же Симеона съ Уграми писано и въ Амартоловой Хроникѣ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 12 и 242), и у Льва Грамматика, и у Зонары (Memor. populorum, II, 579).

(115) Калайдовича — Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, стр. 10, 73, 129.

(116) Памятн. Рос. Словесн. XII вѣка, стр. 85 и 131.

(117) Кубаревъ, о Патер., стр. 7 и 8.

(118) Кубаревъ, о Несторѣ, стр. 388 — 392. Въ Историч. словарѣ о писат. духовн. чина II, 445, и у Бѣляева въ статьѣ «О Несторовой Лѣтописи» (Чтен. Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 дек. 1846 г., стр. 10) сказано также, что Несторъ писалъ Лѣтопись въ кіевское княженіе Мономаха.

(119) Имя *Руси* началось въ сѣверной странѣ нашего государства съ 862 года, съ прибытія въ новогородскія области руссовъ Рюрика и его двухъ братьевъ; а въ южной оно сдѣлалось извѣстно грекамъ не съ 852 года, съ котораго Несторъ повелъ свое лѣтосчисленіе, безъ всякихъ, однако, до 859 года, домашнихъ происшествій, но съ 866 года, съ похода на Константинополь руссовъ Аскольда и Дира, изъ Кіева, занятаго ими въ 864 году, и утвердилось тамъ, когда Олегъ, въ 882 году, прибылъ изъ Новагорода въ Кіевъ и назвалъ этотъ городъ матерью городовъ русскихъ (Полн. Собр. Лѣт. Рус. I, 8, 9 и 10).

(120) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 8, и Оборона Лѣтоп. Нестор., стр. 174—176.

(121) Въ заглавіи Ипатьевскаго списка написано: «Се же суть имена Князем Кіевскимъ, княжившимъ въ Кіевѣ до избитія Батыева», и поименованы всѣ князья, занимавшіе до того времени кіевскій престолъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, V и VI).

(122) Путеш. Рус. людей въ чужія земли I, стр. 17—20.

(123) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 70, 93 и слѣд.

(124) Историко-критич. изслѣд. I, 27–34.

(125) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 78, II, 6; Рукописное сказаніе несторово о Борисѣ и Глѣбѣ, въ Опис. рукоп. Румянц. Муз., стр. 202—204 и 688, и Зап. и труды Общ. Ист. и Древн. Рос. II, 148. О времени, когда Несторъ написалъ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, и потомъ Житіе ѳеодосіево, нельзя сказать положительно, — вѣроятно, среди занятія своего Временникомъ Русскимъ. Но можно думать, что сочиненіе о Житіи ѳеодосіевомъ составлено въ 1090 году, по упоминанію въ семъ Житіи объ игуменствѣ Никона († 1088 г.) и о кончинѣ Исакія, знакомаго Нестору лично, погребеннаго преемникомъ Никона игуменомъ Іоанномъ. Повѣсть же о перенесеніи ѳеодосіевыхъ мощей въ 1091 году сочинена вскорѣ послѣ сего происшествія: ибо Несторъ, сказавъ тутъ о кончинѣ жены Яневой Маріи, не говоритъ ни о смерти самого Яна, послѣдовавшей въ 1106 году, ни о вписаніи имени Ѳеодосіева въ Синодикъ, въ 1108 году (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 82, 85, 120).

Такъ какъ Несторъ включилъ въ повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ и въ житіе ѳеодосіево нѣсколько такихъ русскихъ событій, которыя помѣщены имъ же въ Лѣтописи подъ своими годами: о милосердіи Владиміра I къ бѣднымъ и нищимъ; о созданіи Владиміромъ въ Кіевѣ церкви св. Василія; объ отпускѣ сыновей своихъ на удѣлы; о злодѣйствахъ Святополка по кончинѣ Владиміра; объ одержанныхъ Ярославомъ I побѣдахъ надъ Святополкомъ, и о вступленіи Ярослава на кіевскій престолъ; о построеніи Ярославомъ I въ Кіевѣ Софійскаго собора (1037) и многихъ другихъ церквей; о наслѣдованіи ему Изяслава (1054); о посылкѣ черниговскимъ княземъ Святославомъ въ Тмуторокань сына своего Глѣба на княженіе по смерти Ростислава (1066 г.); о происшедшемъ смятеніи въ трехъ князьяхъ Ярославичахъ, (1071 г.), и объ изгнаніи изъ Кіева одного изъ нихъ, в. к. Изяслава; о возвращеніи его въ Кіевъ по смерти Святослава (1076 г.), и о положеніи Изяславомъ души своей за брата Всеволода (1078 г.) въ сраженіи съ племянниками Олегомъ и Давидомъ: то нѣкоторые писатели полагаютъ, что Несторъ, не сочинивши лѣтописи ранѣе повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ и о житіи ѳеодосіевомъ, не могъ знать историческихъ происшествій своей отчизны. Но развѣ они на Руси тогда только стали быть извѣстны, когда уже Несторъ описалъ ихъ въ своемъ Временникѣ? Откуда же Несторъ получалъ свои свѣдѣнія? неужли все извлекалъ изъ книгъ иностранныхъ, какъ казалось покойному барону Розенкампфу? (Обозр. Кормч. кн. стр., 204, 247). О средствахъ Нестора къ собранію историческихъ памятниковъ писано въ Оборонѣ его лѣтописи, стр. 172, 173, 195 и 208. Митрополитъ кіевскій Иларіонъ Русинъ (съ 1051 г.), въ похвалѣ Владиміру и Ярославу, прежде Нестора обозначилъ кратко тѣ самые подвиги Святослава, Владиміра и Ярослава, которые Несторъ изложилъ подробно (Памятники духовн. литер. временъ в. к. Ярослава I).

(126) «Исходящю сему лѣту 18», т. е. 6618 (Пол. Собр. Рус. Лѣт. I, 122).

(127) Тамъ же I, 121, 122, 127; II, 1 — 3; III, 122.

(128) Тамъ же I, 117, 118. *Сутень* есть та рѣка, которая зовется теперь *молочныя воды*, теряющаяся въ озерѣ того же имени близъ Азовскаго моря. На турецко-татарскомъ языкѣ, томъ же печенѣжскомъ и половецкомъ, слово *сютъ* значитъ *молоко*. На венеціянской картѣ XIII вѣка показано у сей рѣки селеніе Sociatti (Ист. Генуэс. поселеній въ Крыму, г. Мурзакевича). Мы давно уже были убѣждены въ томъ, что Печенѣги и Половцы имѣли туркменскій языкъ, а не чудскій, какъ казалось Шафарику (статья: «Нѣчто къ слову о Полку Игоревѣ,» напеч. въ Вѣстн. Европы, ноябрь 1821 г.). Теперь это подтвердилось въ статьѣ князя М. А. Оболенскаго, напечатанной въ Москвитянинѣ 1850 г. Мартъ, кн I, отд. III, стр. 8. Тамъ 13 словъ половецкихъ суть чисто татарскія, находимыя въ словарѣ Россійско-Татарскомъ Гиганова, напеч. по Высочайшему повелѣнію въ 1804 году.

(129) Пол. Собр. Рус. Лѣт. II, 3 и 4.

(130) Бѣляевъ, въ статьѣ о Несторѣ, пишетъ: 1) «Съ 1111 года начинаются большія разногласія въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и Ипатьевскомъ». — Мы разногласія не находимъ, а только сокращеніе въ Лаврентьевскомъ спискѣ того разсказа, который въ Ипатьевскомъ изложенъ съ большею подробностію о происшествіяхъ 1111, 1112, и 1113 годовъ, какъ относящихся особенно до Кіевскаго и до сопредѣльныхъ княжествъ. 2) «Слова, послѣ описанія несторова о видѣніи огненнаго столпа: *яко же пророкъ Давидъ глаголетъ*, до словъ: *знаменье се бысть мѣсяца февраля въ 11 день, находящу сему мѣсяцу 18*, чѣмъ кончается въ печатномъ Лаврентьевскомъ спискѣ несторова лѣтопись, явно есть *вставка*, что обличаютъ натяжки въ доказательствахъ, повтореніе сказаннаго прежде, и наконецъ безполезное многословіе, чего не терпѣлъ Несторъ». Такъ, пожалуй, можно назвать безполезнымъ многословіемъ несторовымъ всѣ тѣ набожныя или нравственныя размышленія, которыя онъ вмѣщалъ въ свой Временникъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, и которыя читаемъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ на страницахъ 16, 17, 34, 51, 56, 58, 59, 60, 71, 72, 73, 87, 95, 96 и проч. 3) «Въ Ипатьевскомъ спискѣ, подъ 1111 годомъ, повторяется со всѣми подробностями княжескій съѣздъ на Долобскѣ, описанный у Нестора подъ 1103 годомъ; даже самая рѣчь Мономахова одна и таже, только въ Ипатьевскомъ спискѣ подновлена и *безтолково* распространена противъ помѣщенной у Нестора.» Въ 1103 году предметомъ съѣзда на Долобскѣ (озеро на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева) в. к. Святополка и Мономаха было совѣщаніе о походѣ на половцевъ; собрались у Хортицкаго острова, пошли на Сутень и тамъ, 4 апрѣля, разбили на голову половцевъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 118 и III, 3). Чрезъ 8 лѣтъ потомъ, въ 1111 году, князья опять съѣхались на Долобскѣ для совѣщанія о походѣ на половцевъ, но уже по другому направленію, къ Дону. Диво ли, что при разсужденіи князей о семъ предпріятіи повторено содержаніе рѣчей 1103 года, когда и въ 1111 году одни находили походъ весною для земледѣльцевъ вреднымъ, другіе необходимымъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 1, 3 и III, 4). *Безтолковья* въ рѣчи мономаховой 1111 года ни малѣйшаго не замѣтно. Впрочемъ, должно помнить, что инокъ Несторъ самъ при этихъ совѣщаніяхъ не находился, писалъ только то, что ему сообщено было отъ свидѣтелей или участниковъ похода. (Оборона лѣт. Нестора с. 207, 211 и проч. и 4). «Въ Ипатьевскомъ спискѣ подъ 1113 годомъ, описано знаменіе, бывшее 19 марта, и оно есть повтореніе такового же, описаннаго у Нестора подъ 1064 годомъ; Несторъ же не терпѣлъ повтореній подобнаго рода» — Въ 1113 году было *затмѣніе солнца*, а въ 1064 являлась *комета* (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 71 и II, 3). Это не одно и тоже.

(131) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 13, 20, 23, 31, 34, 50; II, 5. Къ объясненію имени Сварога могло бы, кажется, итти и наше домашнее слово *варъ*: солнечный зной, жаръ, кипятокъ, и происшедшіе отъ *варъ* глаголы *варить*, *сваривать*.

(132) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 107; II, 4, 5.

(133) Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 30 ноября 1846 года, въ Смѣси, с. 75.

(134) Кубаревъ, о Несторѣ, с. 385 — 387.

(135) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 111, 112.

(136) Въ патер. печ. Житіе Ѳеодора и Василія.

(137) Оборона, с. 174, 209 — 212, 423 и 424. Поученіе Мономаха и посланіе его къ Олегу Святославичу, открытыя только въ одномъ Лаврентьевскомъ лѣтописномъ спискѣ и помѣщенныя въ немъ подъ 1096 годомъ, въ перерывъ несторова сказанія о происхожденіи туркменовъ, печенѣговъ, торковъ и половцевъ, безъ сомнѣнія, не Несторомъ внесены въ лѣтопись; ибо въ поученіи излагаются про-

исшествія 1115, 1118 и 1119 годовъ, и нѣкоторыя въ прежнихъ годахъ, такія, которыя Нестору были вовсе неизвѣстны.

Въ статьѣ о Несторовой лѣтописи (Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 Дек. 1846 г., с. 65), Бѣляевъ пишетъ, на счетъ повѣсти объ ослѣпленіи кн. Василька, что древнѣйшіе переписчики лѣтописи, вмѣсто умнаго разсказа нестора, помѣстили понравившееся имъ *сказаньице* какого-то словоохотливаго Василія, нѣсколько участвовавшаго въ дѣлѣ и знавшаго многія частныя подробности, но рѣшительно не имѣвшаго понятія въ исторіи, и этою вставкою *изказили* Несторову лѣтопись. Не понимаемъ, что привело г. Бѣляева къ такому отважному заключенію о василіевой повѣсти. Г. Погодинъ (въ Москвитян. 1849 г. ноябрь *№* 22, кн. 2, с. 104) признаетъ ее драгоцѣнною. И дѣйствительно, знали ли бы мы безъ нея все, что случилось за предѣлами Кіевскаго княжества, вслѣдствіе ослѣпленія кн. Василька? Читая у Нестора подъ разказомъ васильевымъ: «Въ лѣто 6607 (1099) изиде Святополкъ на Давида къ Володимеру, и прогна Давида въ ляхи. Въ се же лѣто побьены Угры у Перемышля. Въ се же лѣто убьенъ Мстиславъ сынъ Святополчь въ Володимерѣ мѣсяца іюня въ 12 день» (Полн. Собр. Рус. лѣт. I, 116; тоже въ Кенигсберскомъ печатномъ и въ Радзивиловскомъ рукописномъ спискѣ), мы принимаемъ эти несторовы короткія извѣстія, возстановляющія прерванный въ его лѣтописи хронологическій порядокъ, въ видѣ оглавленія къ тѣмъ самымъ событіямъ, которыя Василіемъ описаны подробно, а потому и не убѣждаемся замѣчаніемъ, напечатаннымъ въ подстрочныхъ выноскахъ Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., Т. I, стр. 116. Въ Воскресенской лѣтописи (1, 239, 242), въ Софійскомъ Временникѣ (I, 181) и въ Россійской Лѣтописи по Софійскому списку (с. 146) имя Василія и краткія несторовы повторенія исключены.

У автора статьи: «О Русскихъ Лѣтописяхъ и Лѣтописателяхъ до 1240 года» (Труды Рос. Акад. IV, с. 104 и 106) читаемъ два мнѣнія о Василіи: *въ одномъ* сказано, что этотъ Василій продолжалъ лѣтопись до 1113 года, съ *амина*, поставленнаго въ ней подъ 1074 годомъ, въ концѣ сказанія о ѳеодосіевой смерти,— что Василій былъ инокъ печерскій и тотъ *азъ*, который въ 1091 году откопалъ гробъ ѳеодосіевъ, а въ 1096 году бѣжалъ изъ Печерской обители, при вторженіи въ нея боняковыхъ половцевъ, во Владиміръ Волынскій, и тамъ, въ 1097 году, употребленъ въ переговоры кн. Давида съ ослѣпленнымъ кн. Васильком. *Въ другомъ* написано: Такъ какъ Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго Выдубичскаго монастыря, сдѣлавшій приписку на лѣтописи подъ 1110 годомъ, пользовался особеннымъ благоволеніемъ кн. Василька — ибо этотъ князь, 4 ноября 1097 года, за два дня до своего ослѣпленія, приходилъ въ ту обитель поклониться св. Михаилу, и въ ней ужиналъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 110) — то авторъ дѣлаетъ вопросъ: не былъ ли Василій тотъ же Сильвестръ, принявшій это имя при поступленіи въ монахи? На первое предположеніе данъ удовлетворительный отвѣтъ въ Оборонѣ лѣтописи Несторовой (с. 423 и 424); а на второе позволяемъ себѣ предложить свой вопросъ: какъ могло случиться, что Сильвестръ, бывшій игуменомъ 4 ноября, превратился послѣ того мѣсяца чрезъ три въ Василія бѣльца?

Называя Василія *бѣльцемъ*, мы основываемся на показаніяхъ, изложенныхъ въ Оборонѣ лѣтописи Несторовой (с. 216). Знаемъ, однако, что Карамзинъ (Ист. Г. Р. II, 125 и пр. 184), а за нимъ и другіе писатели наши видѣли въ этомъ Василіи инока или священника, полагая, что въ тѣ времена міряне не занимались лѣтописнымъ дѣломъ; но въ лѣтописи есть слѣды подъ годами 1171, 1224 и 1226 и такихъ писателей, которые сами участвовали и въ походахъ и въ битвахъ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 101, 164, 166).

(138) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 112 — 116. Такъ полагалъ и Карамзинъ въ И. Г. Р. II, 125 и пр. 184.

(139) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 112 — 116.

(140) Востоковъ въ Остромировомъ Евангеліи, и Славянская грам. Непинскаго, с. 120, 142, 143.

(141) Русскія достопамятн. I, 59, 63, 67, 70.

(142) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 102, 105.

(143) Памятн. духовн. литер. временъ Ярослава I, с. 22, 28, 39, 48, 54, и Чтен. въ Москов Общ. Ист. и Древн. Рос. 28 февр. 1848 г. въ матеріал. с. 35—37 и 41. Иларіонъ былъ мужъ *книженъ* (Полн. Собр. Рус. лѣт. I, 67); онъ даетъ титло *кагана* Владиміру I и Ярославу I. Карамзинъ (И. Г. Р. I, пр. 248) говоритъ, что кіевскіе жители употребляли это титло для того, что они долгое время были подвластны каганамъ хазарскимъ. Мы имѣемъ иное о томъ мнѣніе. Извѣстно отъ Константина Багрянороднаго, что императоры византійскіе давали каганамъ хазарскимъ предпочтеніе предъ князьями русскими, посылая грамоты свои къ каганамъ съ печатью въ *три* червонца (trisoldia), а къ князьямъ русскимъ, печенѣжскимъ и аланскимъ (осетинскимъ) съ печатью въ *два* червонца. Иларіонъ могъ знать это и приписалъ единовластителямъ всей земли русской Владиміру и Ярославу титло *кагана*, высшее, по его заключенію, предъ великокняжескимъ. Такъ, впослѣдствіи временъ, наши государи именовались царями и наконецъ императорами, по величію своей державы.

(144). Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 152, 153, 177.

(145) Несторъ употреблялъ слово *мній* въ смыслѣ *младшій*: «Борисъ глаголя *мній* братія моя... Глѣбъ *мній* въ братьи своей» (Несторово чтеніе о житіи и погубленіи Бориса и Глѣба; рукопись въ библіотекѣ Румянцова Музея подъ № 152).

(146) Палинодія Захарія Копыстенскаго, архимандрита Кіево-Печерскаго (1624—1626 г.) сочинена въ 1621 году и сохраняется въ рукописи въ кіево-печерской лаврѣ; а хронологія кіевскаго митрополита (1647 — 1657 г.) Сильвестра Коссова напечатана въ 1635 году (Опис. Кіево-Соф. Собора с. 61, 71, 180). Авторъ Исторіи Русской Церкви, періодъ первый, с. 206, принимаетъ показаніе Коссова, представляя на то и доказательства; а авторъ Очерка Исторіи Русской Церкви въ періодъ до-татарскій, с. 9, слѣдуетъ Палинодіи потому только, что первое упоминаніе о митрополитѣ Георгіи встрѣчается въ лѣтописи не раньше 1 мая 1072 года (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 78).

(147) Несторово чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ.

(148) Обозрѣніе Кормчей книги, барона Розенкампфа, с. 557, и тамъ же, въ VIII приложеніи, с. 29, 35, и 87; Обозрѣніе Греко-россійскихъ законовъ въ отношеніи къ церкви, статья въ журналѣ Мин. Народ. Просв. 1850 г. Мартъ, с. 182, 186, 189. Кириллъ, митрополитъ кіевскій и всей Россіи (1230 — 1280), въ 1274 году, предписывалъ: «да будетъ, хотяй ставитися во діакона, не менѣе 25 лѣтъ, а въ презвитеры не менѣе 30 лѣтъ» (Рус. достопамятн. I, 104 и 105).

(149) Житіе Ѳеодосіево въ Румянц. Патер.

(150) Несторово чтеніе о Борисѣ и Глѣбѣ.

(151) Авторъ Исторіи Русской Церкви, періодъ первый, с. 64, на слова: «пріятъ мя Ѳеодосій, — пріятъ мя Стефанъ», даетъ слѣдующее правильное объясненіе: въ житіи Ѳеодосія Несторъ говоритъ собственно о своемъ постриженіи и посвященіи въ санъ діакона при Стефанѣ, а въ лѣтописи — о принятіи его, Нестора, Ѳеодосіемъ въ послушники. Авторъ статьи «О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ» пишетъ (Труды Рос. Акад IV, 101), что о посвященіи Нестора въ діаконы говорится будто бы только въ печатномъ патерикѣ.

Сказавъ, что Стефанъ перешелъ въ Кіевскій монастырь въ 1078 году, мы означили этотъ годъ потому, что тогда избранъ въ игумены печерскіе на мѣсто Стефана Никонъ, и потому, что церковь печерская, каменная, основанная Ѳеодо-

сіемъ лѣтомъ 1073 года, начатая постройкою игуменомъ Стефаномъ въ 1075, окончена имъ же *на третье лѣто*, 11 числа іюля (Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 78 и 85.

(152) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 71. Тутъ же, на стр. XIX, это извѣстіе причтено ко вставкамъ, какъ непринадлежащее Нестору. Но почему же оно находится во всѣхъ лучшихъ лѣтописныхъ спискахъ? Несторъ, упомянувъ о разныхъ необычайныхъ явленіяхъ въ природѣ, предзнаменующихъ кровопролитіе, припомнилъ и объ уродѣ, видѣнномъ имъ въ дѣтствѣ своемъ, какъ предсказаніемъ не къ добру (Обор. Лѣт. Нестор., с. 168, 241, 242).

Мнѣнію г. Казанскаго, что Несторъ могъ находиться при Ѳеодосіи еще въ 1064 году, т. е. въ своемъ дѣтствѣ, перечитъ уставъ Іосифа Волоколамскаго, въ которомъ сказано, съ указаніемъ на *Типикъ св. Ѳеодора Студійскаго*: «Не подобаетъ въ монастыри, ниже на дворцахъ монастырскихъ, жити отрочатомъ юнымъ» (Опис. рукоп. Румянц. Муз. с. 154, 155, 174, и Чтен. въ Москов. Общ. Ист. и Древ. Рос. 28 февр. 1847 г. въ Смѣси, с. 6).

(153) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 254, 265 и 267.

(154) Тамъ же, с. 91.

(155) Печат. патер. л. 38 и 42; Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 267; Кубаревъ о Несторѣ, с. 428 и 429, и о Патер. с. 37 и 38.

(156) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.

(157) Тамъ же I, 68.

(158) Кубаревъ полагаетъ (о Несторѣ, с. 428), что Несторъ не былъ самовидецъ ѳеодосіевой кончины, иначе говорилъ бы: «мы видѣли, мы плакали, мы присѣдяху и проч.» Но надлежало бы прежде доказать, что Ѳеодосія, прибѣгающагося къ послѣднимъ минутамъ жизни, окружали не одни братія иноки, имѣвшіе голосъ на избраніе игумена (Обозр. Корм. кн., барона Розенкампфа, въ прилож. VIII, стр. 87), но и всѣ послушники, всѣ новики, находившіеся тогда на искусѣ въ Печерскомъ монастырѣ. Должно помнить, что Несторъ постриженъ и снабдленъ монашеской одежды уже при игуменѣ Стефанѣ.

(159) Рукоп. Румянц. патер.

(160) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 48 и 131.

(161) Сравните, для примѣра, напечатанное въ Оборонѣ лѣтописи Несторовой (стр. 188) сказаніе несторово о началѣ Печерскаго монастыря, пространное, находящееся въ древнихъ рукописныхъ патерикахъ, и сокращенное въ лѣтописи, — вы убѣдитесь, что то и другое принадлежитъ одному сочинителю.

(162) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 63, 254 и 255.

(163) Тамъ же, стр. 68, и житіе Ѳеодосія въ древнихъ рукописн. патер. и въ печат., л. 35.

(164) Патер. печат., л. 36, и рукописн. — Г. Иванову казалось, что наши монахи не выходили изъ монастыря (Учен. Зап. Казан. Универс. 1843 г., книжки II и III, стр. 211). Вѣроятно, онъ не читалъ ни житія ѳеодосіева, ни несторовой же повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ. Другіе представляли себѣ, что Несторъ писалъ погребенный заживо въ глубокой пещерѣ; а онъ и вступилъ въ Печерскій монастырь, устроенный уже на открытомъ мѣстѣ (Обор. Лѣтоп. Нестор., стр. 205 и 431).

(165) Патерики рукописные и печатные, л. 37.

(166) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 79, 89, 120.

(167) Бѣляевъ (о Несторѣ, стр. 46) написалъ, что въ числѣ событій ярославова княженія Несторъ упоминаетъ, будто бы, о построеніи Кіево-Печерскаго монастыря. Ярославъ, въ 1037 году, заложилъ церковь св. Софіи, а не Успенскую Печерскаго монастыря, котораго тогда еще и не существовало.

(168) Синопсисъ Кіев., стр. 91; Патер. печ., л. 5.

(169) Патер. печ., л. 5.

(170) Опис. Кіево-Соф. Собора, стр. 71.

(171) Въ Русскомъ Времен., сирѣчь лѣтописцѣ, I, 61, сказано, что Ѳеодосій былъ игуменомъ Печерскимъ уже въ 1057 году.

(172) Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 122; Архангелогород. Лѣт. печат. 1781 г. стр. 48.

(173) Въ Никон. Лѣт. I, 142, вмѣсто «Варламу же шедшу въ Дмитріевъ Монастырь, написано: «Варламу же шедшу къ старцу Антонію».

(174) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 89, и II, 126; Памятн. Рос. Словен. XII вѣка, стр. 252; Послѣсловіе къ рукописному Кассіановскому патерику; Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 169 и 249.

(175) Патер. печ. л. 98.

(176) Тамъ же, л. 37—38, и рукопис. Румянц. патер.

(177) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.

(178) Покойный Профессоръ Р. Ѳ. Тимковскій къ глаголу *списалъ* прибавилъ мѣстоименіе *самъ* (Труды Общ. Ист. и Древн. Рос. I, 71, 72). Если это было такъ, то мы вправѣ думать, что Ѳеодосій зналъ греческій языкъ. Другіе говорятъ, что и на русскій языкъ перевелъ Студійскій уставъ тотъ же инокъ Михаилъ (Изслѣд., замѣч. и лекціи о Рус. Ист. I, 101 и 157).

(179) Обозрѣн. Кормч. книги, стр. 125; Ист. Рус. церкви періодъ I, стр. 251 254; Начерт. Церковн. Истор. II, 100; Обор. Лѣт. Нестор., стр. 402 и 403. Монахъ Стефанъ, новогородецъ, совершившій путешествіе въ Царьградъ около 1350 года, посѣтилъ тамъ Ѳеодоровъ Студійскій монастырь и говоритъ, что изъ сего монастыря посылали въ Русь много книгъ, уставъ, тріодь и иныя книги, и что онъ встрѣтилъ тамъ новгородцевъ Ивана и Добрилу, которые живутъ въ Царьградѣ и списываютъ въ Студійскомъ монастырѣ книги св. писанія «зане бо искусни зѣло книжному списанію» (Путеш. Рус. людей въ чужія земли II, 23—26). Изъ сего-то монастыря былъ и помянутый инокъ Михаилъ, а не изъ Іерусалимскаго св. Саввы, какъ сказано въ описаніи Кіево-Печер. Лавры, стр. 9, на перекоръ извѣстію, напечатанному въ предъувѣдомленіи къ печатному Кіевскому патерику. Ѳеодоръ Студійскій, написавшій правила для монастырской жизни, жилъ въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка (Обозр. Кормч. кн., стр. 97).

(180) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 80.

(181) Тамъ же, стр. 69.

(182) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1849 г. кн. 3, въ Смѣси, стр. 4.

(183) Патер. печ., л. 91, 160, 172, 174; Опис. Кіево-Печ. Лавры, стр. 111, 317, 319, 320, 322.

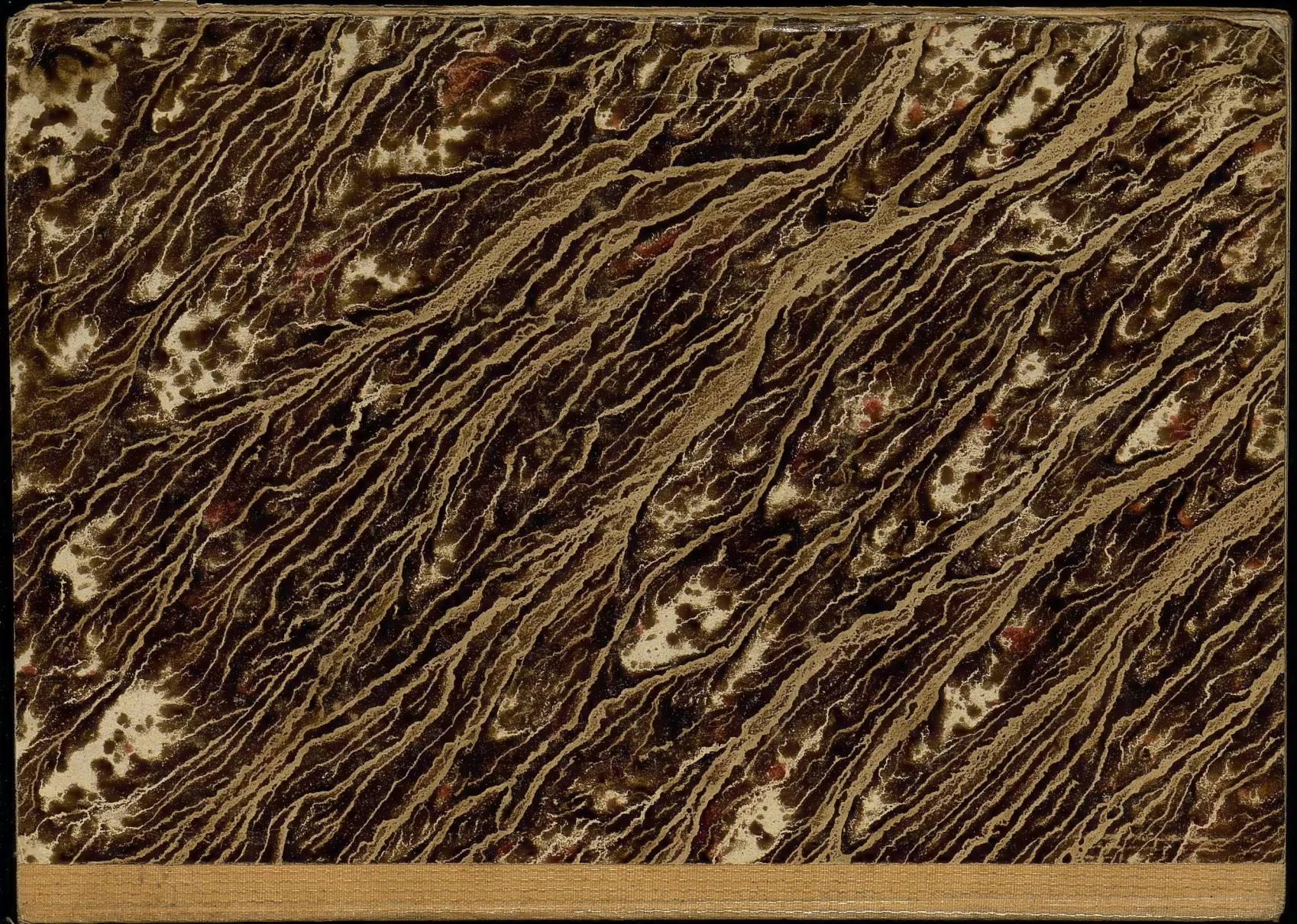
(184) Въ томъ же Описаніи стр. 110, 314 и 321.

(185) Ист. Гос. Росс., II, пр. 138.

(186) Памятн. Рос. словесн. XII вѣка, стр. 249—257, и Патер. печ., л. 193.

(187) Полн. Собр. Русск. Лѣт., I, стр. 89, 90, 120, 127.

(188) Напечатанъ въ Полн. Собр. Русск. Лѣт., III, 179. Есть еще въ рукописи «книга, глаголемая Лѣтописецъ Новогородскій вкратцѣ церквамъ Божіимъ, которая церковь въ чье имя строена, и при которомъ Епископѣ, или Архіепископѣ, или Митрополитѣ». (Опис. Рукоп. Румянц. Муз., № 250, стр. 353).

(189) Сличите листы печатнаго патерика 74, 80, 86, 115, 132, 133, 137, 144, 160 съ Полн. Собр. Русск. Лѣт., I, 57—62, 64, 72—74, 78, 81, 85, 86, 89, 94, 109, 112, 115.

(190) Опис. Кіево Печ. Лавры, стр. 106, 317 и 319.